

КРАСКОМ

АНДРЕЙ САЛИКОВ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ
ОПОРА ПРОЧНАЯ

Наши там (Центрполиграф)

Андрей Саликов

Дальневосточная опора прочная...

«Центрполиграф»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Саликов А.

Дальневосточная опора прочная... / А. Саликов —
«Центрполиграф», 2021 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-09498-8

Не по своей воле в теле умершего от гриппа подростка оказывается битый жизнью наш современник. А жил тот паренёк в СССР в середине 20-х годов XX века. До начала войны чуть больше 10 лет, но не сидит ещё товарищ Сталин в Кремле. Зато там хватает тех, кто считает Россию кучей хвоста для костра мировой революции, кому плевать на то, что будет после. И клятый возраст! – ну не воспринимают серьёзно молодого парня взрослые мужики, потому и приходится действовать маленькими шажочками, стараясь не привлекать к себе внимания. Вот только для того, чтобы сократить наши потери в будущей войне, нужно выйти из спасительной тени и идти вперёд, не боясь никого и ничего.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09498-8

© Саликов А., 2021
© Центрполиграф, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Андрей Саликов
Дальневосточная опора прочная...

Памяти танкистов и мотострелков, погибших в 30-е годы XX века

Пролог

Не следует воспринимать всё через призму Истории. По большому счёту данное произведение является военно-исторической альтернативой.

Господи, как холодно! Тело пыталось свернуться в позу эмбриона, но и после этого долгожданного тепла не получило. Господи, да укройте вы меня, как голова болит, просто раскалывается! А, чёрт, ведь я один дома. Только в эту минуту мне не до ироничного сравнения себя с юным героем знаменитой комедии. Самое обидное для меня – ничто не предвещало столь бурной реакции. Да ещё на работе мне нездоровилось, и аппетит, на который грех жаловаться, приказал долго жить.

Придя домой и померив температуру, убедился в своей правоте, но 37,2 – это не катастрофа. Хорошо, ребёнок на соревнования уехал. Нечего его заражать. Позвонив жене, я трагическим голосом произнёс, что, согласно женской поговорке, она уже вдова, и пожелал ей спокойно доработать сутки. Выслушав её указания, сдобренные большой порцией ехидства, выпил чай с мёдом и улёгся спать. Но сон, столь нужный мне, так и не приходил. Зато температура у меня, похоже, поднималась, причём качественно. С потом, ознобом и начинавшейся ломотой. Вдобавок к этим спутникам ОРЗ или ОРВИ, я стал впадать в забытьё. И в какой-то момент перед глазами начала прокручиваться хроника начала XX века. Но она не была привычной чёрно-белой, с дёргающимися, а потому смешными фигурками, нет!

Всё в цвете, со звуком и со стереоэффектом, ёшкин кот. Лица, которые я видел первый раз в жизни... Да нет! Вот дед, бабушка, это друзья, а это мама, а это... Да это вроде революция. Словно я проживал жизнь вместе с... С кем? Жизнь?..

– ...температура...

Что вы там бормочете, какая температура?! И без вас понял, что высокая, иначе с чего меня так «крутит». Кстати, а кто это у меня дома шляется, как у себя. Наконец-то догадались: тело почувствовало вес дополнительного одеяла, и под согревающее тепло я задремал...

– А где я? – прохрипел я, едва поняв, что потолок со следами недавней побелки, как и древние оконные рамы времён чуть ли не царя, в маленьком пенале изображавшей больничную палату, не галлюцинация, а реальность. И запах карболки.

Стоп! Мне он не известен, хлорку ещё застал, а сейчас моют различными моющими средствами со всем многообразием ароматов.

И тут меня «затрясло» в прямом смысле, зубы стали выбивать неконтролируемую дробь. В палате отнюдь не Ташкент, но где меня держат?! Уже везде поставлены пластиковые окна и сделан ремонт, потому окружающий интерьер меня удивил.

Кое-как пошевелившись, ощутил, что вся одежда и постельное бельё мокрые от пота. «Вух, ну раз так, то, наверное, на поправку пошёл», – мелькнула мысль. И тут же улетучилась, когда мой взгляд уцепился за дату на свежей газете, свисавшей с прикроватной тумбочки. Господи, не может быть! Нет! Вот только весь мой жизненный опыт просто вопил о грядущих неприятностях. Цифры издевательски приковывали к себе взгляд, и я тупо ещё раз убеждался, что данная «Правда» от января 1927 года. Это не шутка.

– Ну вот. – Мужчина с чеховской внешностью, одетый в белый халат весьма древнего покроя и такую же шапочку, посмотрел на сидящего рядом мужчину в таком же одеянии. – Всё нормально, Сергей Александрович.

– Лёшка, как же ты меня напугал, сынок...

«Как, почему, зачем?! Что со мной случилось?!» И спасительная тьма окутала меня.

Увы. Но долго оставаться в нирване мне не позволили. Резкий запах нашатыря мигом привёл меня в чувство.

– Тэк-с, молодой человек, – «Чехов» несколько иронично оглядел мою тушку. – С чего это вы в обмороки падаете?

– Чувствую себя несколько некомфортно, – с намёком на юмор ответил я. – Папа, всё нормально.

Теперь мне требовалось как можно скорее остаться одному. Похожие мысли имел и доктор, и под его успокаивающую речь мужчины покинули палату. Сменившая их пожилая медсестра заменила постельное бельё. Переодевшись в сухое, я с наслаждением откинулся на подушку. Пришла пора подвести первые итоги: главное – парнишка, в тело которого мне не посчастливилось подселиться, помер, а другое, не менее важное, – мне предстоит жить в довоенные годы со всеми их «весёлыми» датами.

Глава 1

1

– Лёшка, чего возишься? – раздаётся за спиной голос мастера.

– Щас, Вас иль Макарович, уже готово, – подскакиваю и демонстрирую практически готовую деталь.

– Готово у него, ты напильником работай шустрее. Как муха сонная, – не остаётся он в долгу и, увидев Петьку, несущего винт к домкрату, направляется было к нему.

– Вот, – показываю распекающему «нерадивого слесаря» мастеру четыре болта.

– Ничего, пойдёт. – Скупно похвалив меня, он опять повернулся к напарнику. Тот буквально лучился желанием исполнить любую порученную ему работу. – Так, давай собирай съёмник. Как раз до конца смены успеешь. – И Макарыч величественно удалился, посчитав, что на сегодня с нас хватит.

Переглянувшись с Петром, мы одновременно вздохнули. Сами виноваты, никто нас не заставлял «пройтись», как «рабочий человек», показывая... какие мы идиоты. Если честно, я знал, что подобным кончится, но Пётр упёрся и, видя, что мне его идея не нравится, выложил последний аргумент. Мол, ты мне друг? Пришлось согласиться: да.

Мастер, увидев такое непотребство, мигом отозвал нас в сторонку (в центр мы не пошли, мозгов у Петьки хватило), и там пролилось на нас «живительное слово», как он выразился. А по-простому, обложил матом и велел привести себя в порядок. И больше так не смей позорить отцов, иначе вылетите, мол, голубчики, отседова на все четыре стороны. А уж там, как хотите, так и ходите. Хоть в кальсонах, хоть в трусах новомодных. После этого разноса мы с Петрухой (ага, мне тоже пришлось каяться) зареклись появляться на людях, «как рабочие настоящие ходят», и поклонились Вас иль Макарычу «казёнкой». Тот бутылку убрал и пробурчал, что, мол, «ничего, погонять нас лет пять, а там, глядишь, и в ум сами войдём». Правда, с того дня он взялся за наше воспитание, мы же от такой «заботы» лишь кряхтели, но видя, как остальные (старше нас вдвое) рабочие одобрительно глядят, молчали в тряпочку и как молодые черти летали по малейшему приказу мастера.

– Лёх, в силе всё?! – прокричал Пётр, пробиваясь сквозь звон металла, и вопросительно посмотрел на меня.

– А как же остальные? – уточнил я про Изю и Димку, ещё «двух архаровцев», как называл нас скопом Петькин отец.

– Норма. Всё, давай, – махнул Петро рукой.

Оставив ему болты, я подхватил захваты, махнув в ответ, мол, будь. Угу, и лежит теперь мне путь в кладовую, пред светлы очи Зинаиды Ивановны. Всё, лень и усталость побоку – и вперёд.

– Здравствуйте, Зинаида Ивановна, – поздоровался с сидящей за бюро (причём работы хорошего краснодеревщика) пожилой женщиной. – Мне пару свёрл. Одно на двенадцать, а второе на десять.

– Проходи, вон на полке возьми. – И аккуратно начала вписывать их в мою карточку. Несмотря на свой возраст, смотрелась она великолепно, и наш директор так и увивался вокруг неё. – Нашёл?

– Да. – Достав со стеллажа ящичек и сняв крышку, вытащил нужные мне свёрла.

– Распишись, – придвинула она карточку, где мне нужно было расписаться в получении инструмента.

Оставляю автограф и покидаю кладовую.

– ...Нет, вы не понимаете текущего момента. Когда пролетариат... – доносится из неплотно закрытой двери начальника производства высокий голос.

На цыпочках прохожу мимо и мухой лечу в цех.

– Что ты такой взъерошенный? – перехватывает меня у входа идущий навстречу Макарыч.

– Да опять этот припёрся, – кивнул я в сторону «конторы».

– Та-ак... – протянул он. – Вот что. Ты иди работай. Понял? – И умудрённый жизнью рабочий шевельнул губами.

– Да, – кивнул в ответ, и мы разошлись: я к своему верстаку, а он, похоже, отцу на вырубку.

Твою ж, в перехлест через клюз! Вот принесла нелёгкая этого идиота! И не пошлешь его, мигом тебе прищёт контрреволюционную деятельность. Но голова-то должна соображать, нет? Я не против того, чтобы мы план больше делали. Но как увеличить производительность, если нас тут пятнадцать человек? Напильнику не объяснишь, чтобы он по паре миллиметров снимал зараз. И с деньгами порядок навести, согласно выполненным нарядам, а то очень часто стали напирать на сознательность.

Пока голова была занята не совсем правильными мыслями, руки сами размечали заготовки.

– Вот, посмотрите сами, если не верите, – услышал за спиной голоса.

– И посмотрю, – с апломбом заявил райкомовец.

Футы-нуты, м-да, хлебнём мы с ним. Похоже, в кабинете не договорились, вот появился этот хрен сюда, здрасте пожалуйста. Спец великий, гонору до хрена, а знаний нет, зато власти хватает, м-да. Вон и Иваныч напрягся: в последний раз он к нему с такой галиматьёй лез, но попробуй ему что поперёк сказать. Шас его вновь просвещать будут. А то он, темнота, не может резцу доказать, что тот скрытая «контра». Мол, почему режимы увеличиваю, а ты, гад, ломаешься? Тяжело? Трудно? А в Америке рабочий класс тоже страдает, а ты...

– Вот вы, товарищ... – Ну точно, и Иваныч начинает краснеть, но молчит, слушая очередную ахинею.

Всё, началось, и, похоже, надолго. Минут десять, а потом шабаш. Митинг. И продлёнка обеспечена, а как же, план должен быть выполнен. Тут твоё хотение не спрашивается, что запланировано – будь добр сделать. Гадство, как жрать охота, желудок откликается на это недовольным урчанием. Мысль о еде загоняю подальше. Нет, точно, вон токари с фрезеровщиками останавливают станки, в цехе постепенно смолкают звуки работы. Ну всё, все планы коту под хвост. Рядом Петро еле слышно кроет по матери райкомовца, а я с тоской смотрю в оконце. Похоже, дождь будет, и аккуратно часов в семь, когда домой идти придётся. Сорвал посиделки, гад, хрен больше нам девчонки поверят. Нет, понять-то поймут, но ведь стыдно-то как! Третий раз уже из-за него всё отменяется!

– Так, товарищи... – Возбравшись на ящик (его Макарыч специально для него держит), бойкий райкомовец трещит о мировой революции, правда, в последнее время понемногу перестают орать о том, как мы понесём на пролетарских штыках пламя этой самой революции. Теперь передовицу «Правды» начинает рассказывать. Да тут все грамотные, чай, не в деревне какой-нибудь. Эх, вот ведь завёлся, как пономарь. Судя по лицам, народ не в восторге от внеплановой политинформации, но дисциплинированно молчит себе в тряпочку. А пока есть время, давайте я расскажу о себе.

Зовут меня Алексей Мельников. Это, естественно, нынешнее имя, реципиента, так сказать. А своё? Эхма, а нужно ли оно? Ведь тут не важно, как меня ТАМ звали. Я ведь, честно, чуть не тронулся, хорошо, что болел, организм ослаб и просился спать как можно больше. Вот так потихоньку в себя и пришёл, да зацепился, словно клещ в сюжет рассказа Мишеля Демюта

«Гамма Южная», прочитанный в отрочестве. Вот такой я полковник Чиаги, всё же в человека попал, а не в черепаху. Ну да не будем больше об этом. Теперь я Мельников Алексей семнадцати полных лет. Из «бывших», как принято сейчас говорить. Род наш захудалый, основатель, Василий Мельников, выбился в мелкие дворяне в середине XIX века, земель у нашего семейства, правда, давным-давно, не было – дед продал их в том же XIX веке. Вдобавок отец – бывший офицер, что намного серьёзнее в нынешнее время. До Германской мать (из мещан) преподавала немецкий язык в реальном училище. Отец был инженером на «Дуксе». В 1915-м он добровольцем ушёл на фронт, где командовал взводом самокатчиков. В боях под Стоходом был ранен и отправлен на излечение домой, поэтому остался жив в 1917-м. Но в 1918-м был мобилизован как военспец, тогда многих гребли. В войсках он отвечал за технику. Вначале ему, естественно, не доверяли, но из-за нехватки кадров (ты хоть какие курсы окончи, а коли не хватает у тебя знаний, так и будешь тыкаться и мыкаться) снова командовал самокатчиками. В Польском походе (не к ночи будь помянут) умудрился не просто выйти из окружения (а что такого, что было, то было), но и вытащить всю материальную часть. Плюс подобрал на дороге пару грузовиков, оставленных по причине мелких поломок, из-за которых они не могли тронуться. После недолгого ремонта «рено» бодро покатали на восток, увозя в кузовах с десятков вышедших пехотинцев. Спустя пару часов наткнулись на броневик (бросили, сволочи, в нём даже топливо на треть осталось), и, кстати, с его помощью и пробились, попутно хорошенько нашинковав обнаглевших жолнежей. В особом отделе к нему вопросов не было (хотели даже орденом наградить, но комиссар влез, и представление завернули, чекисты лишь руками развели, высоко сидела эта гнида), и он прослужил до 1923-го, а при сокращении армии демобилизовался. Тогда много военспецов выкинули, ну да ничего, живой и здоровый, это главное. Мать умерла через два года, в 1925-м, сказало недоедание, да и здоровье, видать, подорвано Гражданской. К тому времени мы уже год как осели в Энске. Перед империалистической здесь начали собирать телефоны, но с началом войны дело быстро заглохло. Правда, хотели построить предприятие по выпуску трубок для снарядов, и даже кое-какие станки завезли. Но спустя пару месяцев всё строительство встало, и они так и остались ржаветь под открытым небом...

Работаю я слесарем на ремонтном заводе. Хотя какой это завод, машут рукой деповские. Нас всего восемнадцать человек, зато каких, «золотой фонд», все потомственные рабочие! Вот начальник мастерских и скрежещет зубами: самый сложный, а значит, и самый денежный ремонт к нам идёт. Ничего, им полезно, хоть до корней клыки сотрут.

Отвлёкся, извините, но мы друг друга не переносим. Отец здесь и технолог, и начальник производства. Директор Матвей Потапович Востриков – из потомственных рабочих. Токарь от Бога. Кстати, они на пару с отцом и прибрали к рукам то, что ещё не растащили местные жители. Этого хватило для начала – два токарных, один фрезерный, пара сверлильных станков. Негусто, но лиха беда начало, постепенно ввели в строй ещё один токарный. А потом незаметно и люди потянулись, правда, не всех брали, и обиженные орать на отца поначалу пытались, да только им живо рот заткнули, причём сами рабочие. Вот так и сложился крепкий мужской коллектив основных рабочих и служащих, правда, за одним малым исключением. Это – краса завода (я уже упоминал об интересе нашего директора?) Зинаида Ивановна Ливен. Вдова. Как отец и я – из «бывших». Мужа она потеряла в 1917-м, когда «птенцы Керенского» любили устраивать обыски и реквизиции, прикрываясь флёром из трескучих революционных фраз. Эти годы мне по малолетству почти не запомнились, лишь рассказы матери и отца позволяют составить представление о тех днях. Вот и к ней однажды уже под вечер заглянула шайка с красными бантами и повязками, только не ожидали они решимости главы семьи защищать свой дом. Легли под пулями трое из четырёх налётчиков, но в перестрелке и хозяина смертельно ранили. Правда, и четвёртый крысёныш прожил буквально на полминуты дольше, чем его подельники: сын Зинаиды Ивановны разрядил в него обойму «браунинга». Откуда я это узнал? Очень просто: отец рассказал. Естественно, дальше меня эти знания не уйдут. После

всего её сын всеми правдами и неправдами сумел зацепиться вначале за должность простого потового в РКМ, но вскоре, имея нормальное образование, перешёл служить в УГРО. Сама Зинаида Ивановна в столицу перебираться не желает, как её ни уговаривает родня. И, слава богу, она на себе тянет весь воз отчётов. Тут и финчасть, и заявки, и инструмент, и... Короче, *ОНА* тянет всё.

Если вы подумали, что Потапыч скинул всё на подчинённых, а сам сибаритствует, вы глубоко заблуждаетесь. На нём выбивание фондов, оборудования, «вкусных заказов» (а это деньги, и не малые), парторганизация. И выбивал, юлил, хитрил, но заказы у нас не хухры-мухры. Мы ремонтируем мотоциклы и изготавливаем к ним ЗИПы. Вот уже год, как восстанавливаем «Союзы-2» (они же немецкие DWK 125), приходящие из мехбригады. Работа почётная и вдобавок денежная, но требующая высокой квалификации рабочих. В нашем захолустье – самое оно. Это я так, шуткую. Правда, отремонтировали мы всего семь штук, и ЗИПов изготовили сорок комплектов. Остальное – это банальный ремонт всего, что можно. К сожалению, почётное звание «Военный завод» нам не светит. Ведь мотоциклы хоть и идут в армию, но считаются вспомогательным видом транспорта.

К слову, на этого болтуна я о-го-го какой зуб имею, из личной неприязни. Да, вот такой речевой оборот, иначе таким матом крыть охота... Но всё по порядку.

Пару месяцев назад сменился состав райкома – и понеслось. Новое руководство поосмотрелось, а поскольку кроме депо и нас больше никто на завод не тянул, вцепилось в оба предприятия мёртвой хваткой. И вместо помощи, что оказывало прежнее руководство, началась «штурмовщина». Дай им перевыполнение плана на три процента ежемесячно. Дай им к праздникам сверх плана ещё по три единицы продукции. Даёшь сверхплановые обязательства, соревнуемся с депо по валу продукции! Ересь, но звучит красиво. Субботники, воскресники (кстати, ходить-то ходим, но особо не любим), – а хозяйство у каждого есть, и когда, позвольте спросить, им заниматься? А есть хочется каждый день, причём не одну картошку, а желательно меню разнообразить. Одним словом, вместо нормальной работы сплошные авралы. Плюс райкомовцы начали копаться в личных делах. Вдруг комиссия пропустила кого? А это уже весьма серьёзно, поскольку у нас при заводе открылся филиал ОСОАВИАХИМа, где мы учимся водить мотоцикл и грузовик. Ну да, всё правильно: кто что охраняет, тот то и... ну, вы понимаете. Пионером я не был (у нас отряд только год назад образовался), староват для этого, но в КИМ заявление подал. Прежнее руководство райкома рассмотрело и дало добро. Я уже с ребятами прикидывал, что на собрание надеть. Как-никак дело серьёзное, по одежке, как известно, встречают. И пусть хоть и шипят по углам (зависть-то никуда не делась), но уважать уважают. Угу, вроде и неделя с лишком прошла, а всё одно обида гложет.

– ... Так, Сева, где наши куряки? – Худощавая Лиза, привстав, оперевшись о стол, покрытый кумачом, просто источала негодование.

– Э... – привычно начал мямлить здоровый, словно матёрый дуб, кряжистый Сева Воронцов.

Ни для кого не секрет, что он безнадёжно влюблён в Лизу Гаврилову, а та, зная об этом, частенько этим пользуется. Но, признаюсь, при всём том откровенно помыкать им она не пытается.

– Севуль, пожалуйста, притащи их сюда. – И, улыбнувшись, махнула рукой: мол, ну пойми меня.

Воронцов вспыхнул, колером буквально став под стать ткани на столе (была у него такая особенность), и, развернувшись, вышел. В читальном зале нашей районной библиотеки, в котором проходили собрания, яблоку негде было упасть. Я когда зашёл, честно признаюсь, так разволновался, что не обратил особого внимания на президиум. Там, кроме Вани Сергачёва и Лизы Гавриловой, наших вожаков, сидела вся райкомовская верхушка.

– Товарищи, – начал Ваня, едва Воронцов приволок двух наших заядлых курильщиков. – Сегодня у нас ответственная задача: мы принимаем в наши ряды...

После него слово взял председатель районного комитета, в отличие от Вани его речь была рубленая, словно гвозди забивал.

– ...И не зря явится капиталист, глядя на нас...

Ну, выступление я прослушал вполуха, и так грамотный, могу и сам газеты прочесть. Стоп, а это что?

– ...Но не всё так просто, товарищи! За прошедшее десятилетие обывательщина пролезла в наши ряды, стал милее свой мирок, а революцию стали забывать! Всё чаще и чаще наши некоторые товарищи стараются увильнуть...

Вот это не очень хорошо, не так давно он у нас был и, похоже, не встретил понимания своей позиции. Да и, паренёк, ты себя с окружной инспекцией не попутал?

– Так, товарищи, у нас первый Алексей Мельников, – взяла после окончания выступления райкомовца в свои руки ведение собрания Лиза. – Давай, рассказывай, – подбодрила она меня.

Вуф, с меня, как говорится, причитается, молодец, сбила настрой.

Сумев обуздать нервы, я вполне спокойно рассказал свою биографию.

– А вот отчего это он на мотоцикле катается? – вставил свои пять копеек Сытин, едва Гаврилова сказала, что можно переходить к вопросам.

– Ну, вообще-то не катаюсь, а изучаю устройство и правила эксплуатации колёсной техники, – практически слово в слово процитировал приказ о своём зачислении на курсы по вождению.

Оно понятно, *МНЕ там* было сильно за... и что двухколёсную, что четырёхколёсную технику водить умел. А к нынешней приноровиться надо. Уж не знаю, но моторика меня не подвела. Сейчас я фактически больше километраж накаत्याю.

– Самый умный, что ли? – моментально окрысился тот, и в его узких свинячьих глазах вспыхнула лютая злоба.

Ларчик-то просто открывался: тебя, сволочь, во второй поток взяли, вот ты и бесишься. Перед девками форсить нечем. А хочется.

– Ты давай отвечай, – поддержали его «затонские». Понятное дело, за своего перед «луговскими» они всегда встрянут.

– А что неясного? Всё ясно и чётко сказано. – Нет, я пока старался не заводиться, но и наши меня не поймут, если спасую. – Ты вопросы задавай, а нет – так посиди послушай... – Продолжать не стал, но все и так поняли окончание: «поумнеешь».

– Так, давайте конкретно, а не про свои хотелки, – жёстко пресёк начавшийся базар Ваня.

Он из луговских. Нет, не подумайте, парень принципиальный, его за это уважаем и мы, и затонские. Потому последние и закрыли рот.

– А чего это «бывший» тут делает? – вновь влез неугомонный Сытин.

Ефимка, сучёнок, всё простить не может, что послали его далеко и надолго, когда он пару раз пьяным на работу пришёл. После увольнения устроили его в депо, вроде он там за ум взялся и вперёд нас вступил в КИМ (происхождение помогло, крестьянский он), и сейчас подходящий момент использует, паскуда. Плеснул бензинчику в костёр, знал, на что давить. Теперь, по его мнению, крыть мне нечем. Вот только есть такой хитрый приём, «встречный пал» называется, очень опасный, но у меня выхода другого нет. Так что получи, фашист, гранату!

– Интересно, а между прочим, товарищ Красин был дворянином, и товарищ Чичерин дворянин, и товарищ Ленин был дворянином.

Ор поднялся ещё тот, завистников хватало не только у меня, но и у отца, а «детишки» неприязнь родителей на меня перенесли.

– Ты провокатор, – вскочил Ефимка, брызгая слюной.

– Нет, это ты умишком скорбный, – не остался я в долгу. – Ты на чью мельницу воду льёшь? И с какой целью свой вопрос задал?! – проорал я.

Всё! Теперь ему (и не только ему, больно у райкомовца морда весьма выразительно перекосилась) придётся оправдываться. А тут уже всё согласно правилу. Невинные не оправдываются.

– Товарищи! – вскочил Ваня. – Вы сейчас что творите?! Немедленно прекратить этот бардак!

– Чего орёте как оглашенные?! – Лиза чуть голос не сорвала, увещевая парочку крикунов.

Те, словно другого времени не будет, решили горлом попробовать пробиться на курсы вождения. Едва их успокоили, как Ваня поставил на голосование вопрос о приёме меня в ряды КИМа. Тут собрание разделилось пополам: часть была за, часть – против (что поделать, не нравилось многим наше положение, как же, «голубая кровь»), но ещё ничего не решено, колеблющихся хватало. И в этот момент райкомовец и выдал, да так, что я еле на ногах устоял. Всё смешал в одну кучу: и дворянство моё, и рабочую аристократию приплёл, и даже знание иностранных языков. Бредятина, но с лозунгами, против которых не попрёшь. Лёшка после рассказывал, что вид у меня в тот момент был не ошарашенный, а очень удивлённый. Возражения Вани и Лизы он умело утопил в демагогической болтовне, и я, обведя взглядом сидевших парней и девчонок и наблюдая, как они постепенно проникаются словами этой суки, стиснул зубы. Всё мне становилось ясно. В общем, хрен вам, меня и Митьку Кононова. Его, кстати, даже обсуждать не стали: раз – и мордой о стол. При всём честном народе. Мол, недостойны вы пока этого звания. Вот Петьку приняли (правда, тоже ор стоял будь здоров), но у него происхождение подходящее. И сам, и вся семья – настоящая рабочая косточка. Хотя, как мне кажется, тут что-то другое было. Нет, вы не подумайте, я не завидую, мне просто обидно. С меня взятки гладки, чёрт с вами, но Митьку-то за что? К родителям, гады, привязались, мол, отец у него – бывший фельдфебель, от царя полный бант получил. А то, что он, почитай, три войны прошёл, никого не волнует. Что газами потравлен и кашляет кровью... Эх, Изя попытался за нас вступить, да сам на выговор налетел. Вот ему куда было лезть? Нет, я понимаю принципиальность, но лбом таранить стену не стоит. Причём за «незрелость» ему в карточку вписали. Вышли мы будто оплётанные. Хотя почему – будто? Так и было.

– Ну и? – Петька достал бутылку «казённой» и вопросительно посмотрел на нас.

– Давай! – махнул рукой Митька и обложил по матери весь райком и всю городскую организацию (Ване с Лизой тоже досталось, а что вы хотите – нервы).

Я лишь покачал головой и сообщил, что всем надо выпить. Изя потащил нас в рощу. По дороге, обсудив текущее положение и решив, что пол-литра несерьёзно, купили вскладчину ещё пол-литра самогонки. Баба Нюра лишь головой покачала, видя наше состояние, и сунула нам пяток картошин и луковицу, «чтоб закусили».

– Так, – довольно потёр руки Изя. – Парни, несмотря ни на что – просто необходимо выпить за Петра!

– Точно! – тут же поддержал его Димка. Своё фиаско он воспринял спокойно, на мой взгляд, он просто не верил во все обещания ещё того, прежнего райкома. – А то правда, словно на похоронах сидим.

– Согласен! – присоединился я.

Оно, конечно, плохо, но и так люди живут. Да и портить Петру праздник – нет, увольте!

– Ребят... – начал было Петька, но на него зашикали.

– Короче. – Изя ловко смахнул сургуч. – Давай тару, а то водка греется, а закусь стынет. – Хохотнув столь немудрёной шутке, «именинник» взял налитый ему стакан.

– Давайте! – И махом переправил соточку внутрь себя. – Эх, хорошо!

– Ты осадил! – прервал его Димка.

– Тэк, парни... – Изя выбил пальцами дробь на пустой бутылке. – Надо что-то предпринимать.

– Ты опять? – недовольно пробурчал я.

Алкоголь, прокатившись по пищеводу, уже слегка начал туманить голову, и начинать обсуждение прошедшего собрания категорически не хотелось.

– Да, и не опять, а снова. Поймите, – ожесточённо рубанул он рукой, – нельзя терять время. Лёшке надо срочно переводиться в другой район. Сами понимаете: чем дольше он будет оттягивать, тем больше вероятность повторения сегодняшнего результата. Дим, тебя это тоже напрямую касается.

– Понятно. – Доводы Изи оспаривать никто не собирался. – Только ты про себя не забудь, – напомнил я ему о выговоре.

– Лёха дело говорит, – поддержал меня Пётр. – Кстати, Лизу надо как-то отблагодарить.

– Угу, не лезьте к ней, и всё будет в полном порядке, – урезонил его Изя. – Так, не стоим, разбираем тару...

– За тебя, Петь...

– Давай!

– За тебя...

Одним словом, набрались, поскольку в дополнение к бабкиной снеди из закуски была всего лишь краюха хлеба и чуток сала. Наш путь домой напоминал отступление разбитого, но не сломленного войска. Я и Петька тащили тело Изи, а Митяй шёл впереди, указывая дорогу. Передав Соломону Яковлевичу тушку сына, мы отправились за добавкой. Хорошо, выходной был, поскольку очухался я только к вечеру...

– ...И ещё живы у нас мещанские инстинкты. Но мы... – продолжал оратор нести лозунги, вернув меня из мира воспоминаний.

Всё плохое когда-нибудь заканчивается. Закончился и этот митинг. Уф, всего полчаса, это не задержка. Однако всерьёз за нас взялись. Надо будет с отцом дома поговорить...

Чего боялись, то и произошло: синева, постепенно затянувшая весь небосклон, ветер, поднимающий пыль и остатки листьев – всё это буквально кричало о скорой грозе. С Лёшкой мы рванули, словно застоявшиеся жеребцы, надеясь обмануть погоду. Ливень, как ему и положено было, подловил нас ровно посреди дороги, укрыться было негде, и промок я практически насквозь.

Чертыхаясь и бормоча отборный мат в адрес райкомовца, мы с Петькой перепрыгивали ручьи, образовавшиеся на месте дороги. Распрощавшись, я повернул к себе, прыжками напоминая лягушку.

– Здравствуйте, тётъ Нин, – поприветствовал я хозяйку, в доме которой мы с отцом снимали комнату.

– А, Лёша, давай быстро переодевайся и чай выпей, я как раз самовар поставила.

– Спасибо, тётъ Нин.

Вообще-то её имя было Нионила, но все её звали Ниной, добавляя отчество.

Вскоре, надев сухую одежду, а мокрую повесив сушиться на печи, я сидел за столом со стаканом чая с мёдом. Уф, хорошо-то как! Вспомнил сплетни досужих кумушек, определивших нашу хозяйку к отцу в «полюбовницы». Хотя большинство плюётся, но слухи всё равно расходятся. Вот уж подфартило нам вляпаться в бабские склоки. Наша хозяйка в прежние времена была довольно богатой: тут и мельница, и вон тот лесок (конфискованный сразу после революции), и маслобойня с сепаратором. Её соперница, Марфа Паукова, – тоже не от сохи, а глава (муж у неё умер ещё в 1914-м, до войны) весьма большой семьи портных, причём очень хороших, так что не бедствовали. Не знаю, из-за чего две матроны повздорили, но с того дня врагами они стали лютыми. Обычная история, и даже в литературе описанная в великолепном рассказе Гоголя, так и не вышла бы за очерченные ею рамки, если бы не одно но. У портнихи

(а вот Пушкина цитировать не стоит, юмора она не поймёт, зато зло затаит и не забудет и через полвека) второй сын при царе был расстрелян в 1906 году за бунт в Свеаборге. На основании этого она сумела состряпать миф о нём как пламенном революционере. Хотя помнили его как урку, и боролся он с самодержавием весьма... хм, специфически. Но миф уже зажил собственной жизнью, и желающих его развенчать не находилось. Получив в свои руки такой мощный аргумент, она начала давить Нионилу с напором парового катка. Но та была женщиной ушлой и выкинула весьма интересный фортель. Не дожидаясь намёков из райкома, она сумела в 1925-м продать мельницу. Цену не задирала, по себестоимости спихнула, но в отличном состоянии. Марфа от такого вначале растерялась, и немудрено, кто же в здравом уме от такого прибытка откажется? Мельников, как известно, никто и нигде не любит, но все втайне мечтают занять столь «тёплое местечко». Теперь о мироедах, окопавшихся в городе, и не с руки говорить, второй раз Нионила удивила всех своим разводом и разделом имущества. Мужу досталась маслобойня, а ей сепаратор. Паучиха пока затихла, но наша хозяйка, отлично зная нрав соперницы, бдительности не теряла и, несмотря на монополию, цен за перегонку молока тоже не задирала. С нами (точнее, с отцом) она подружилась, и не раз то я с парнями, то отец помогали ей по хозяйству и в ремонте сепаратора. Зато и молоком «заправлялись» каждый день, и маслица (ага, «бывший», хех, подкидывал) по утрам на ситник намазывали.

– Пап, что происходит? – Ходики показывали восемь двадцать, куда-то идти было уже поздно, да и Петька сегодня дал отбой. Спать ещё рано, вот я и задал ему вопрос, дождавшись, когда он закончит есть. – Почему нас начали дёргать?

– Знаешь, сын, я не хочу об этом говорить, – устало произнёс отец. – Пойми, ты с юношеским максимализмом можешь наломать дров.

– Шахтинское дело? – прошептал я, скосив глаза в сторону двери.

Она хоть и была прикрыта, но, как известно, бережёного Бог бережёт, а не бережёного конвой стережёт. И это было отнюдь не метафорой, а прозой жизни.

Отец, выбив пальцами «Встречный марш», молчал, а мне в голову никак не могло прийти начало разговора. Всё же семнадцать – это семнадцать, просто отсутствие жизненного опыта накладывает свой отпечаток и потому приходится быть осторожным. Молодой парень с суждением старика, знаете ли, нонсенс, разговоры пойдут, а мне оно надо? Нет! Потому приходится молчать и соответствовать возрасту. Вот и сейчас я не знал, как вызвать отца на откровенность, больно тема очень серьёзная. На всю страну год назад прогремел процесс. Те сволочи не только сами вредили, но и из-за них стали косо смотреть и на честных инженеров. И аргументы теперь убедительнейшие, мол, возможно, ты и хороший человек, но, извини, ищи другое место. У нас зам начальника депо был вынужден уйти, а после вообще уехал. Он просто работы тут не смог найти. Городок у нас, как писали классики, уездный и патриархальный, с деревянными мостовыми и утопающими в зелени домами. Летом деревья помогают переносить зной и пыль... – что-то такое. До Москвы было недалеко, с полета вёрст. Главная достопримечательность – здание вокзала да церковь, уже лет пять как закрытая.

– Да. И не только. – Отец посмотрел на меня и, видимо что-то решив для себя, продолжил: – Запомни, никогда и ни с кем не вздумай обсуждать такое.

– Мог бы и не говорить, не дурак, – чуть обидевшись, произнёс я на отцовское предупреждение.

– Похоже, придётся нам с тобой откровенно поговорить. – Подойдя к бюро, отец зажёл лампу, мягкий свет разлился вокруг. Развернув газету, он карандашом что-то подчеркнул. – То, что я скажу, тебе очень не понравится. Я всегда обходил политику десятой дорогой, но, похоже, она меня всё-таки нашла. Сын, все эти годы в верхах шла жестокая борьба за власть, она и сейчас продолжается.

– Но... – Я возмущённо попытался сказать, мол, не дурак и такую глупость, как озвучить это вслух, делать не собираюсь.

– Ты думаешь, этот «всезнайка», – отец иронично усмехнулся, – с Марса к нам прибыл? С его-то биографией? Нет, его к нам сослали, и теперь ему, чтобы подняться, требуется выгрызть вновь место под солнцем...

– Это получается... – В свете этой информации кое-какие предположения начали обретать содержание.

– Да, нам не повезло, бывает, хотя мне и обидно. Но сила солому ломит. – Горькая улыбка появилась на лице отца. – Там, – ткнул он вверх, – такая фигура сидит, что нам и не снилось. Потому не стоит плевать против ветра...

– Но как же так, пап... – Хотелось сказать, что ещё не всё потеряно, есть окринспекция...

– Что, сын? – резко перебил он. – Что «как же так»? Привыкай. Тебе напомнили о происхождении?

– Ну да.

Это хрен забудут, до середины пятидесятых тыкать будут, если доживу, конечно.

– Запомни: о нём никогда, слышишь, никогда не забудут!

– И что теперь нам делать?

В житейских вопросах отец разбирался на пару порядков лучше меня. Хотя мой ход конём, когда я уговорил его не оканчивать мне десятый класс, а пойти учиться в техникум и одновременно начать работать, а после попробовать поступить в институт, сработал. Моя схема была достойна великого комбинатора. Узнав, что у Потапыча очень хороший друг работает в техникуме в Москве, я предложил отцу, что поступлю туда. Заочником. «Смотри, пап, – яростно жестикулируя, описывал я два года назад плюсы такого решения, – во-первых, у нас с деньгами не того. – Увидев соглашающийся кивок бати, продолжил: – Во-вторых, работая на заводе, получаю специальность и разряд. А после окончания техникума я могу уже официально, по направлению завода поступить в институт, тоже на заочное отделение». Самое главное озвучивать не стал, что получилось как в старом анекдоте об Ильиче, когда он говорил жене, что ушёл к любовнице, любовнице, что ушёл к жене, а сам – на чердак и за работу. Мне такая схема требовалась, чтобы скрыть свои знания, которые просто не мог иметь пацан. Зато работа, совмещённая с учёбой и дополненная отцовским приглядом (кроме него и другие рабочие поучаствовали), объясняла столь хорошее знание предмета. Именно благодаря этому (ну и Потапыч подсутился) я за два года закончил техникум.

– Работать, сын. Просто работать на благо родины, сегодня каждый специалист на вес золота. Мы сейчас очень слабы. У нас практически нет промышленности, очень плохо с образованием. То, что сейчас идёт индустриализация, погоду в данный момент не делает.

– А Магнитка, а... – Это я и так знал даже лучше отца, но требовалось играть несмыслёного.

– Сядь и слушай, – жёстко осадил меня отец. – Вначале прочти, – протянул он газету.

В статье описывались действия пограничников, отразивших очередное бандитское нападение на КВЖД. Честно сказать, я подзавис, не понимая, что он этим хотел сказать. Ничего нового, всё как всегда.

Дождавшись, пока я прочитаю материал, он продолжил:

– Вот и ты не понял, хотя раньше наши войска дошли бы до Бэйпина, дабы вразумить и остудить горячие головы. На данный момент мы слабее, чем Польша, Румыния. Румыния! Не зря о них сказано, что быть румыном – это профессия, но и с этой, в сущности, опереточной державкой мы сейчас не совладаем и вынуждены смириться с оккупацией Бессарабии. Об остальных я и не говорю. Это горько, но это правда. Мы отстаём во всём. Сейчас с началом пятилетки мы только воссоздаём то, что у нас разрушили и разграбили «союзнички». Плохо ли, хорошо, но промышленность начала оживать.

Я сидел молча, изображая мышь под метлой, и ждал продолжения.

– Я могу наговорить много умных слов, привести примеры. Но не это главное. Главное – люди. Матвей Потапович решил направить двух ремонтников непосредственно в мехбригаду. Оттуда уже получено добро. Ты и Пётр направляетесь в командировку в войска. Поедете как слесари-ремонтники.

– Что случилось, пап? – Новость меня не особо обрадовала. А в свете последних событий это походило на бегство.

– Завод собираются расширять... – начал отец.

– Это хорошо. Здорово! – перебил я его и с энтузиазмом даже начал размахивать руками. – Соответственно, начнут формировать бригады, а там с годик-другой, глядишь, и меня бригадиром поставят. А что? Образование, разряд, опыт работы...

– Не совсем, – спустил меня отец с небес на грешную землю. – Уже спущен план. Мы его не вытянем. Если работать строго по технологии, – забил он последний гвоздь в крышку гроба, в котором покоятся теперь все мои честолюбивые надежды. – Придётся переделывать всю документацию. А вечные авралы обязательно внесут путаницу. Ну да ладно. Всё, давай спать.

Я понимал, что отец сказал мне далеко не всё. Но на продолжении разговора настаивать не стал, поскольку не хуже отца понял, во что выльется такая указилка... «Всё, алее капут», – всплыла из глубин памяти ёрническая фраза. Я, естественно, планировал помочь родине подготовиться ко Второй мировой, куда её втянут «наши лучшие друзья» из Штатов, Франции и Британии. Однако соваться к товарищу Сталину в данный момент не стоило. В партии шла ТАКАЯ борьба за власть, что головы летели, и даже у, казалось бы, неприкасаемых революционеров, можно сказать, отцов-основателей. Да и с чем идти? Промежуточный патрон, командирская башенка, Гудериан и Хрущёв? Не смешно, а за кукурузника можно и высшую меру социальной защиты, в просторечии – расстрел, получить. Теракт потому что! Вот и оставалось, словно Йогану Вайсу, вращать, но, видимо, не судьба. Что делать дальше, я пока не представлял, и потому, помянув всех по матушке, завалился спать.

А Сергей Александрович Мельников вышел на улицу курить. Сын уже взрослый и должен понять. Может, он зря не был до конца откровенным с ним? Бог знает... Фактически он уже бывший начальник производства. Да, бывший. Горько усмехнувшись, он вспомнил беседу с Востриковым.

– Понимаешь, Александрыч, всё уже решено, я попытался переговорить со знакомыми, но... – Потапыч как-то обречённо махнул рукой, признавая своё полное поражение. В небольшой комнатухе, гордо именуемой кабинетом директора, повисло тягостное молчание. – Мне прямо сказали, что против него не пойдут, сам понимаешь... – потухшим голосом сказал старший партиец. А в свете последних решений окркомиссии ему стало понятно, что за малейшее рыпанье его быстро выкинут из партии.

– Шуку съели, а зубы остались, – понятно согласился Мельников.

Иллюзий по поводу высылки «демона Революции» у него не было. Слишком многие теряли, причём теряли не простые работяги, а облечённые немалой властью. Это ему, стараясь не встречаться взглядом, дошёл сейчас директор, едва за райкомовцем закрылась дверь.

– По расширению тоже вопрос решённый. – Кем, уточнять не стал, но и так было ясно, что без райкома, а то и повыше не обошлось. – И я ничего не могу сделать. Его дьявол сильнее, – со злобой процедил Потапыч. – Но ничего, мы ещё повоюем!

– А вот это не стоит, – мягко прервал начинавшего закипать друга Мельников. – Послушай меня, ты помнишь, что на последнем собрании КИМа было?

– Ещё бы, – вновь начал закипать директор. Его тогда стоило большого труда уговорить не приходить в райком и не поучить «по-отечески» слишком возмнивших о себе молокососов. Хорошо, Зинаида успела перехватить и, накапав ему валерианки, отправить домой, а то наломал бы дров.

– Я так понимаю, неспроста это всё, жизни нам теперь не дадут.

– Это точно, – согласился со своим замом Потапыч. – Но тут не всё так просто, – злобная улыбка озарила его лицо. – Тебя, Александрыч, мы пока спрячем. А после...

– А зачем?

– Что – зачем? – Вопрос зама поставил Вострикова в тупик.

– Зачем на рожон лезть? – пояснил свой вопрос Мельников.

– Затем, чтобы место своё знали. Можно ведь и по-другому нагадить. Обращаться в вышестоящие инстанции Потапыч не стал, сказав, что не стоит гусей дразнить, пусть эти горе-хозяйственники сами набьют себе шишек. А они набьют их, Александрыч, обязательно набьют! – Единственное, что Вострикову не нравилось, так это будущее Лёшки. – Пойми, я уже старик, ещё пару-тройку лет протяну и всё, коленом под зад, вон, на пенсию иди. Придёт новая метла, и сам понимаешь...

– Пометёт по-новому...

– Оно самое, и Лёху обязательно коснётся, извини, Александрыч, но сам видишь и понимаешь, – развёл руки Востриков. – Из «бывших»...

– Да, это я прекрасно понимаю. – Мельников нисколько не обиделся на Потапыча, между прочим, ему с сыном ещё повезло, многие получили поражение в правах и голосовать не могли, а о том, чтобы попасть на должность... тут и говорить не о чем.

– Так вот, сына пристроим не туда, куда ждут. – Выдержав паузу, но не справившись, директор несерьёзно хихикнул. Поймав полный недоумения взгляд Мельникова, пояснил: – В армию его направим.

– Да ведь как? Возраст!

– А так. – Столь богатая палитра эмоций на лице собеседника вновь заставила его рассмеяться. – Александрыч, жаль, ты себя со стороны не видишь!

– Да догадываюсь. – Махнув рукой, Мельников попытался осмыслить, как смог ушлый старикан обойти кучу препятствий.

– Очень просто, – угадав его мысли, не стал томить своего зама Потапыч. – Архипыч, помнишь его?

– Да.

Дотошный помкомвзвода своей хозяйственностью пришёлся по душе всему коллективу.

– Так вот, Архипыч пожаловался на нехватку грамотных ремонтников...

– Э-э-э, так получается...

– Да, отправляем его и Петьку в командировку, и если их не приберут к рукам, я разочаруюсь и съем свою шляпу.

Предложение директора было неожиданное, но, по-ложу руку на сердце, очень своевременное. Теперь проблема, куда пристроить сына, не стояла. Поскольку на заводе жизни ему больше не будет, а в депо его точно не возьмут, остаётся только податься куда подальше в поисках работы. Но это в самом крайнем случае, ибо заново *врастать* в новый коллектив чрезвычайно сложно с их происхождением. Вот тут и удивил его бывший токарь. Без сомнения, план был гениален: отправить молодёжь в качестве ремонтников в армию.

– Возраст подходит, ещё полгода – и могут призываться добровольцами. И скажите на милость, какой командир не захапает к себе готового специалиста? А главное, с нас взятки гладки. Мы людей послали? Послали. Польза есть? Есть. А что не уследили за кадрами, это уже ваша, товарищи, недоработка. – И Потапыч ехидно глянул на Мельникова. – И ещё: я переговорил кое с кем. Мне обещали, что через неделю будет комиссия и этих ретивых идиотов взгреют по первое число. Пустячок, а приятно.

Крыть было нечем.

Вдобавок он предложил бывшему подчинённому место в новообразованном техникуме, не бог весть что, но и на этом спасибо. Поэтому надвигающегося снятия Сергей Александрович

не боялся. А от себя добавил тех-карты на каждую деталюшку, причём в двух экземплярах, знакомые порадели, помогли сделать копии. Теперь любой мало-мальски грамотный специалист, сравнив план и составив график выпуска продукции, схватится за голову. А там и до более тяжёлых выводов недалеко. Как говорится, пошли по шерсть, а вернулись сами стрижены.

Слова директора не разошлись с делом. Через два дня я, сдав свой инструмент и получив под роспись один из малых ЗИПов, несколько ошалелый стоял на вокзале. Провожать нас с Петром, кроме отцов, пришли Димка и Изя (а как же без него), Василь Макарыч. Накатили по сотке (слова нашего мастера): ничего, можно, Александрыч! Выслушав напутственное слово и скосив глаза на здоровенный кулак отца Петьки, пообещавшего нас «приласкать», если мы опозоримся, отец жёстко сказал:

– Вы первые. По вам будут судить обо всём заводе.

Вот тут мы поплыли. До нас дошло, что шутки кончились. И если мы провалимся, то из города придётся уезжать. Причём быстро, пока нам парни рёбра не пересчитали.

– Присядем на дорожку, – предложил Сергей Александрович.

Лучившийся энтузиазмом и желанием перемен, я не знал ещё, что вернусь сюда только через два года. Не знал, что Матвей Потапович Востриков умрёт в своём кабинете во время совещания от сердечного приступа. Не знал, что новое руководство свернёт производство таких нужных для армии ЗИПов. Качество ремонта упадёт, а впоследствии он полностью будет свёрнут. Что завод перепрофилируют на выпуск комплектующих запчастей для автопрома. Всё это я ещё не знал. Жизнь казалась мне дорогой, на которой каждый найдёт себя...

– Петь, смотри, – устало прохрипел я.

Впереди призывно маячил «грибок» с часовым.

– Вижу, почти пришли. – Он попытался сплунуть, но жара забрала у нас всю влагу. В дороге старались не пить, так, на всякий случай. А то приспичит не вовремя – и что делать? В вагоне, хех, «ретирады» не предусмотрены. А на местном вокзале только пиво осталось. А приходить «под мухой»... даже не смешно. – Уф, нет, я, конечно, понимаю, что без инструмента мы никуда. Но какой он тяжёлый, гад.

– Терпи. Недолго осталось. И вообще инструмент тут ни при чём, просто сидор плечи режет.

Вид у нас был не особо презентабельный: пропылившаяся одежда и обувь, чуть грязноватое лицо с дорожками от пота.

– Ага, и это... – Пётр серьёзно посмотрел на меня. – Лёш, в общем, так. Вещи – хрен с ними, положим. Но инструмент с собой.

– Думаешь, ноги ему приделают? – устало потянувшись, задал я довольно глупый вопрос.

– Запросто. И концов не найдёшь, – рубанул он в ответ рукой.

– А он на нас записан. И за недостачу высчитают по полной, – произнёс я. – Согласен с тобой. А на разговоры просто положим...

– Большой болт, – продолжил Петька.

У ворот, как и полагается, нас остановил часовой и после препирательств вызвал начкара. Тот дотошно принялся изучать наши документы. Затем в сопровождении бойца мы по его указке направились в штаб отдельной механизированной бригады. В моём воображении она представлялась могучей грозной силой, конечно, не конец тридцатых с танками и броневиками до горизонта, но всё же. Действительность, увы, разбила мои иллюзии, город Ч., куда мы прибыли, «приютил» штаб, вернее, его часть, ремонтный батальон, разведроту и комендантский взвод. В империалистическую войну тут явно квартировал какой-то запасной полк или команда, причём явно пехота. Стоявшие буквой «П» приземистые казармы из потемневших брёвен обрамляли плац. Крепкие конюшни, числом две, и сарай под разный бытовой инвентарь стыковались с забором. Сопровождавший нас боец довёл меня и Петра к стоящим наособицу двум двухэтажным строениям, отличавшимся от неказистых казарм. Доложил часовому, после

чего отбыл, а часовой велел нам ждать дежурного. Мы отошли чуть в сторонку, ощущая себя некими диковинками, невероятным образом попавшими сюда. Командиры, то и дело проходящие мимо, с удивлением косились на нас, не понимая, что тут могут делать эти щеглы.

– Так значит, вы ремонтники, – с некоторой ленцой процедил парень года на четыре старше нас с одиноким треугольником на петлице и с повязкой «дежурный». Не знаю, как Петру, но мне этот боец не понравился, замашки у него на целый ромб, а вот как со знаниями? Судя по его скептическому взгляду, он нас ни в грош не ставил. – Идите за мной.

Поднявшись на второй этаж по скрипучей лестнице, повернули налево, и у одной из дверей наш сопровождающий остановился.

– Ждите здесь, – приказал он и, постучав, вошёл. – Товарищ командир роты, разрешите?

– А, Агеев. Входи.

Дверь за ним закрылась, отрезая голоса. Хмыкнув, я мимикой изобразил Петру: готовься к неприятностям. Он в ответ согласно кивнул, и мы терпеливо стали ждать. Спустя пять минут, показавшиеся нам часами, дежурный пригласил нас пройти в комнату.

– М-да. Давайте знакомиться. Я – командир разведроты Сергеев Николай Петрович. А вы, стало быть, ремонтники. – Энтузиазма в его голосе не было.

Мы практически одновременно пожали плечами, мол, кем мы ещё можем быть?

Ещё раз окинув нас взглядом, он, чуть скривившись, продолжил:

– Размещайтесь, а завтра посмотрим, что вы умеете. На этом наше знакомство завершилось. Понять его можно. Вместо умудрённых жизнью рабочих прислали каких-то сопляков.

Выйдя за дверь, мы попали в «ласковые» и «заботливые» руки всё того же дежурного. И началось «хождение по мукам». Финчасть, АХО, политотдел и вершина – особый отдел. Там нам подсунули кучу бумаг, все с грифом «секретно». Заставили расписаться на десятке бланков. Проинструктировали и, наконец, отвели в столовую, где нам, согласно талонам, выдали еду. После нам предоставили какую-то каптёрку, где едва помещались двухъярусные нары.

– Петь, у меня все ноги гудят, – сев на нары, поделился я с товарищем такой важной новостью.

– Все? А я думал, их у тебя всего две, – сострил он.

– Слышь, не смешно.

– А кто смеётся? Чую, нам завтра гадость сделают. – При этом лицо у него стало жёстким.

– Чует он, я в этом уверен. Не боишься? – отбросив шуточный тон, я внимательно посмотрел на него.

От того, как каждый из нас себя поведёт, будет зависеть судьба обоих. Как там, у Дюма: один за всех и все за одного. Это о нас.

– Лёх, отстань, я так устал, что мне сейчас всё похрен. Давай спать, а?

... Утром мы, умывшись, оделись в чистые спецовки, подхватили инструмент и направились к штабу.

– О, явились, соколы, – прокомментировал стоящий у крыльца ротный. – Долго спали.

– Нет, рабочий день ещё не начался. Сейчас без пяти восемь. – Я демонстративно отёр рукав, на битой жизнью «омега» – большая стрелка указывала на одиннадцать. Ротный был сражён, увидев часы у пацана. Мысленно поблагодарил отца, прав он оказался, сказав, что их наличие собьёт спесь со многих. – Пять минут нам на получение задания хватит?

– Что, Николай Петрович, утёрли тебе нос, а? – улыбнулся стоявший рядом командир с тремя «кубарями» в петлицах. – Я – начальник технической части Рейно Ян Карлович. Вы, похоже, ко мне присланы?

– Не знаем. В командировочных указано, – и Петька процитировал: – «Для ремонта непосредственно в расположении части».

– Значит, ко мне. Специализация? – командным голосом он дал понять, что шутки закончены.

– Ремонт мотоциклов, – в унисон произнесли мы. Но вид! Спасибо Димкиному батю: он просвещал нас в различных армейских премудростях, которые, несмотря на прошедшие годы, не сильно изменились.

– Пойдёмте. – Вне сомнения, все нюансы начтех, впрочем, как и ротный, уловил. Не сказать, что это им понравилось, но выводы были сделаны. На парней ни возрастом, ни «геометрией» надавить не получится. – Николай Петрович, показывай своих стальных коней.

– Сколько у нас есть времени? – уточнил Пётр, ткнув пальцем в ряд мотоциклов.

Судя по лицам командиров, первую ловушку мы вскрыли. А то любят дать кучу работы (по-другому не скажешь) и минут через пять потребовать отчёт, на голубом глазу заявляя, что времени было достаточно.

– Пары часов хватит? – скепсис командира разведроты буквально повис в воздухе.

– На предварительный осмотр – да, – пожав плечами, ответил я. – Если найдётся серьёзная поломка, потребуется дополнительное время.

– Хорошо, приступайте.

И начтех с комроты удалились.

2

– Лёш, у тебя почерк получше, поэтому давай я тебе номера продиктую, – предложил Петя. – Лентяй, – попытался усовестить его я.

Он в ответ пожал плечами:

– Нет, просто я пишу плохо.

Что есть, то есть. Цифры – ладно, ещё более-менее. Но вот буквы... курица лапой и то лучше напишет.

– Но не рассчитывай, что формуляры я один заполнять буду.

Судя по лицу Петра, была у него маленькая такая надежда, что удастся отвертеться от писанины. Но после моих слов огонёк этот погас.

– Ладно. Давай записывай. Первый номер...

Что можно сказать? «Кони» были так себе. Уезженные. Похоже, гоняли бедняг в хвост и гриву. Шесть ещё поездят, а вот четыре нужно в ремонт. Пока не убили окончательно.

– Ну что, Николай Петрович, допрыгался, – войдя, начтех ехидно ухмылялся, держа в руках бумаги. – Решил над парнями поиздеваться?

– Стоп, Ян Карлович, погоди. Объясни толком... – чувствуя какой-то подвох, Сергеев вопросительно посмотрел на прибалта.

То, что эти сопляки не впали в привычное для него оцепенение и шенячий восторг, весьма болезненно задело его самолюбие.

– Толком. – Присев на свободный стул, начтех ласково улыбнулся. Ротному внезапно пришло на ум, что так мог улыбаться крокодил. – Это можно. Вот у меня протокол осмотра пары твоих мотоциклов. Держи. – Продолжая столь же лучезарно улыбаться, Рейно протянул ему тоненькую пачку бумаги.

– Мать...

Экзамен, который хотели учинить «этим соплякам», как он их обозвал, удался на славу. Только вот, похоже, у многих теперь будут неприятности.

– Угу, можешь материться, – подтвердил тот. Положа руку на сердце, ему понравилось, как эти молодцы посадили в лужу слишком сильно возомнивших о себе разведчиков. – Не ты один, кстати, уже много кто пожалел.

– Вот стервецы. – Сергеев задумчиво смотрел на плакат «Комсомолец, на самолёт», соображая, что теперь делать.

Сам виноват, конечно, кто же знал, теперь придётся с Яном как-то договариваться.

– Нет, Коля. Это школа. И очень хорошая, – прервал его раздумья Рейно. Ткнул в листок дефектной ведомости. – Посмотри, как всё чётко расписано. Просто сказка. Каждый дефект указан. И заметь, не просто так, а по узлам. Ничего не забыли. В общем, так. Пусть твои ухари теперь пешочком к бабам ходят. Видишь, они и километраж вписали. Я понимаю, дело молодое. Но всё, баста.

– Спасибо, что предупредил. Пешком походят кобели. Да, не ожидал я такого. – Всё ещё ошарашенно пробормотал ротный. – Вот ведь... Да, не сопляки они, это я маху дал.

– Коля, – промурлыкал начтех.

– Что? – отозвался тот, перебирая в уме наказания своим орлам, по сравнению с которыми инквизиция – просто толстовцы.

– Ты меня уважаешь?

Сергеев сперва не понял Рейно и, естественно, кивнул в знак согласия.

– Так ты что, их к себе прибрать хочешь? – мгновенно ощерился он, сообразив, к чему клонит ушлый начтех.

– Почему прибрать? – оскорбленно произнёс Рейно, и вид при этом он имел самый невинный. – Им скоро восемнадцать...

– И мне такие парни нужны, – весомо сказал разведчик, лихорадочно прикидывая, как захомутать парней. Но, с другой стороны, ссориться с технарями он не хотел, ведь ремонт требуется не только мотоциклам. М-да, ситуация. А обозлившись, начтех гадостей мог наделать мама не горюй. Тут надо, чтобы и волки были сыты, и овцы целы, дилемма, короче. Внезапно его осенило: – Карлыч, у меня есть идея.

– Когда ты так говоришь, мне становится страшно. – Похоже, Петрович решил не обострять отношения, мгновенно понял начтех. Нет, умом Рейно понимал, что пара таких грамотных ребят сейчас на вес золота, но и ему требовались специалисты такого же класса. – Давай излагай.

– Мы можем им предложить стать курсантами. Подготовка механиков-водителей, – выпалил ротный, нервно перебирая листки. – Да где же они? А, вот, нашёл! Смотри!

– Хм. – Ян вначале не понял смысл, лишь после третьего прочтения он ошарашенно поднял глаза на Николая. – А что?

Убедившись, что ему не привиделось, он прикрыл глаза.

– Очнулся? – вывел из ступора голос разведчика.

– Очнулся. – Посмотрев ещё раз *ДВЕ* категории транспорта, который могли водить и ремонтировать парни, он мигом пришёл в себя. – Дельно. И главное, другие не отберут. Значит, так: до призыва они мои, – подвёл черту Рейно.

– Карлыч и я завсегда готовы помочь, – немного ехидно произнёс Сергеев, не сомневавшийся, что выберут парни.

– Вот и ладушки. Всё, я побежал, а то комендачи перехватить могут, – обозначил Рейно их главных конкурентов.

– Давай, ты – в строевой отдел, а я к особистам.

Угроза была нешуточная, вполне могли, стервецы, прибрать к рукам такие кадры, всё же они ближе к начальству.

Когда к нам подошёл Рейно, я с Петькой, уже поужинав, выходили из столовой. А на вечер мы запланировали посещение пивной, где собирались отметить первый день работы. А что? Нажираться не собирались, а от кружки пива ещё никто не бузил.

– О, товарищи ремонтники. Вы свободны? – начтех с неумолимостью атакующего танка преградил нам путь к свободе.

– Да, товарищ начальник технической части, – с тоской ответил Пётр.

Поварившись в «котле» целый день, сусальный образ «командировки в армию» несколько потускнел и стал живо напоминать завод.

– Тогда пройдёте в мой кабинет.

Обогнув бывшие конюшни, которые сейчас превратились в боксы для техники, мы оказались в гостях у начтеха.

– Присаживайтесь. Вы, товарищи, знаете, какое у нас положение с кадрами? – Посмотрев на наши изменившиеся лица, он сам же и ответил на свой вопрос: – Тяжёлое. – И продолжил: – И руководство бригады предлагает вам поступить в неё курсантами на должности механиков-водителей бронемашин. Что скажете?

– Мы согласны, товарищ начальник технической части, – наперебой чуть ли не проорали мы.

Ещё бы, нас в армию приглашают. Да раньше срока. Да мы... Подленькая мыслишка мелькнула у меня на краю сознания, что уж *ЗДЕСЬ* можно карьеру построить. Но в следующий миг ехидный голос напомнил о «зачётном» происхождении, живо усмирив гордыню.

– Тихо, тихо, товарищи. Чуть не оглушили. Я рад, что вы понимаете текущий момент. Служить после окончания курсов вы будете в разведроту. Но до неё вы будете приписаны к ремонтному батальону. И работать пока придётся по вашей гражданской специальности. – Посмотрев на наши несколько повядшие лица (мне пришлось совсем чуть-чуть сыграть эмоции), Рейно подбодрил: – Вам как будущим бойцам автобронетанковых частей это пойдёт только на пользу.

Спустя годы я буду благодарен этому скромному человеку. Его школа впоследствии мне здорово пригодилась в жизни. Так, буквально на второй день мы оказались курсантами в рембате. Расчёт Потапыча полностью оправдался.

– Давайте мойтесь, одевайтесь и ко мне, – напутствовал нас помкомвзвода.

Баня – всегда баня, и, помывшись, мы переоделись хоть и в ношеную, но всё ещё хорошую форму. Со вздохом приступили к наматыванию обмоток. В процессе (аж три раза пришлось повторить) мы крыли их изобретателя таким отборным матом, что даже сменный мастер депо, Игнат Трофимович, большой любитель и почитатель народного творчества, прослезился бы от гордости за нас. Архипыч аж крикнул от удивления.

– Сильны вы, орлы, ох сильны.

Мы, естественно, вскочили и вытянулись в струнку (спасибо фельдфебелю Кононову, Митькиному батю) ждать дальнейших приказаний.

– Ну да ладно, потешили старика. – Мысленно помкомвзвода дал себе зарубку поспросить у Потапыча, откуда что берётся. Явно с парнями опытный человек работал, хех. Строевая им не в диковинку. – А теперь пошли... Ну вот, берите карандашики и вписывайте свои данные. – И положил перед каждым длинный прямоугольный листок.

– Зачем это? – спросил Пётр. – В личном деле есть же...

– Ты вот что, – с металлом в голосе произнёс Архипыч, – пиши, чай не глупые люди сидели и думали, нужно это или нет. – После проверил и выдал нам два эбонитовых цилиндрика, куда мы положили скрученный в трубочку листок. – Ну вот, это теперь для вас, можно сказать, главный документ. Не вздумайте его потерять...

– Товарищ помощник командира взвода, разрешите мы в своих сапогах будем ходить? – закинул я удочку после очередного провала как следует намотать обмотку.

– Нет уж, ребятушки, – весело (но нам показалось, издевательски) улыбнулся он в ответ на столь разумную в нашем понимании просьбу. – Армия есть армия. Не умеешь, научим. Всё понятно?

– Да, – наш ответ раздался в унисон.

– Тогда приступайте к своим непосредственным обязанностям.

Мы после столь близкого знакомства с действительностью уже не питали иллюзий и что наша «служба», в кавычках, будет если и не усыпана розами, то хотя бы пройдёт спокойно и без, хм, происшествий.

– Товарищ помкомвзвода, – вытянулся я, как и положено, в струнку. – Разрешите обратиться?

– Обращайтесь.

Архипыч сразу заподозрил подвох, но в чём он заключался, не мог понять. Слишком уж тянется парень. Неспроста это.

– Поскольку, убывая в командировку, мы, согласно подписанным документам, являемся материально ответственными лицами и на нас числятся малые ЗИПы, то возможно их хранить в вашей кладовой?

Продолжая преданно поедать начальство глазами, я прикидывал, что может последовать за столь наглую просьбу.

– Хм, – прочистил горло Пузырёв. Со всех сторон подстраховались мальчишки. Оно и понятно, наборы у них хорошие, вот кое у кого и потекли слюни их прибрать к рукам. Но сейчас, после прямого заявления о принадлежности этих вещей государству... отказать будет нельзя. Однако и обставлено всё очень аккуратно, лица никто не теряет. – Ладно, дипломат, жду у себя на складе, давай бегом. Одна нога здесь, другая там.

Решив главную проблему (Пётр меня поддержал, хотя я думал, что он решит обобществить наш инструмент), правда, столь наглое в глазах ремонтников «кулачество» любви нам не прибавило, мы выбрали из составленного нами же списка наиболее ремонтпригодную технику и за неделю вернули в строй один мотоцикл. Второй был на подходе, а вот оставшиеся два требовали ремонта двигателей. Справиться самим с такими поломками мы были не в состоянии, о чём и сообщили начтеху. Тот, выслушав нас, лишь махнул рукой и поинтересовался, как скоро завершится ремонт второго. Узнав, что придётся потерпеть всего пару дней, Рейно повеселел и довёл до нас приказ о проверке находящихся в эксплуатации машин. Понятно, начальство вписало нас в свои интриги, а мне с Петром в них участвовать не хотелось. Вот только кто нас спрашивать будет? И потому мы постарались выявить как можно больше дефектов, не догадываясь, что именно на это и рассчитывал ушлый прибалт...

– Вот, товарищи, результаты проверки, – взял листок начальник особого отдела бригады Розенфельд. – Итак, хочу вас порадовать. Хватов Пётр Семёнович, 1911 года рождения, из рабочих, комсомолец, работал на заводе... ну и так далее. Возражения его кандидатура не имеет.

Сидящие напротив командиры заметно расслабились, хотя перед этим сидели словно аршин проглотив.

– А вот Мельников Алексей Сергеевич, 1911 года рождения, беспартийный, из дворян... – И перевёл взгляд на начтеху: – Тут похуже. Нет, нет, – Яков Моисеевич заметил тревогу на лице Рейно. – Парень чист, как и его отец, Мельников Сергей Александрович. Беспартийный, ну оно и понятно, бывший офицер, в Красную армию мобилизован в мае восемнадцатого. Так, помначтех, затем командир взвода самокатчиков, это не то, ага, в Польском походе попал в окружение, но не растерялся, а вывел свою часть. Ага, демобилизован, поступил на завод, директором завода характеризуется положительно.

– И?... – недоумённо протянул Рейно.

– Что «и»? – Увидев, что собеседник его не понял, Розенфельд задал самый важный вопрос: – Вы понимаете всю остроту момента? – Негласно бывших военспецов постепенно выдавливали из армии или переводили на должности, на которых карьеры было не сделать. А тут такой афронт, да. Ну что же, раз так еложилось, то, как Ян решит, так и будет. – Вы уверены, товарищ Рейно, что этот гражданин достоин служить в РККА?

– Да, товарищ Розенфельд, уверен. – Ян Карлович спокойно смотрел на особиста.

То, что Мельников из «бывших», он и не скрывал. Да и не место красит человека, а человек место. Подтекст вопроса тоже не вызывал у него удивления, поручиться за парня он готов. А раз так, то и вопрос закрыт.

– Это хорошо, что вы не отказываетесь, товарищ Сергеев. Я так понимаю, товарищ Хватов будет служить в вашей роте?

Теперь уже разведчику пришлось держать экзамен.

– Раз сами пришли, так извольте и отвечать за инициативу.

– Да. – Николая немного кольнуло, но вида он не подал. Нужны ему эти парни, до зарезу нужны. Вернее, уже один, второго не пропустят, а жаль. Ну да и то хлеб.

– Вот и замечательно, – вынес свой вердикт особист. – А возраст – не помеха, я так думаю. Им скоро восемнадцать стукнет, вот тогда официально и призовём.

– А что с Мельниковым? – уточнил начтех. Неопределённость его не устраивала.

– Скажите, товарищ Рейно, он хороший механик? – вопросом на вопрос ответил Яков Моисеевич, мысленно улыбнувшись немудрёной шутке насчёт, кто отвечает вопросом на вопрос.

– Да, товарищ Розенфельд. – Рейно не колебался ни секунды. Ну и что, что парень из «бывших», мало разве их служит в армии?

– Вот и пусть служит под вашим началом... – закруглил разговор особист, давая понять, что другого решения не будет.

Проходя мимо парка, Ян Карлович задумался. Без сомнения, парень честолобив, и положение ремонтника его вряд ли устроит. И скорее всего, продвижение ему не светит даже у него. Тут и к гадалке ходить не надо, после срочной парень уйдёт. И его с руками оторвут на любом заводе в любом месте. А тут подходит срок службы у многих ветеранов, нестати всплыла весьма неприятная мысль. Приходящее пополнение, за редким исключением, приходится учить практически с нуля, причём не один месяц. Остаётся только радоваться, что рембат пополнился хоть одним толковым бойцом.

Я о терзаниях начтеха не знал, как и о своём месте службы. Возможно, моя жизнь сложилась бы, как и предполагал Рейно, если бы не случай в лице комсомольской организации. Но вначале мне пришлось столкнуться с «цуком» бойцов из штаба бригады...

Вот уже месяц, как мы грызём гранит армейской науки. Подъём, отбой, физо и так далее. Да, присягу, пардон, Торжественное обещание мы не принимали, ну тут уж дело ясное, будет восемнадцать, тогда и примем. А пока мы шпаки. Кроме вышесказанного, нас с Петькой разделили, мол, грамотные везде нужны. Его больше заставляли обслуживать технику в разведроты, так сказать по будущему месту службы. А меня потихоньку гоняли в рембате на разные черновые работы, что навевало мне весьма пессимистические мысли. Но ничего, держусь, хотя, с другой стороны, бойцы из рембата приняли за своего. Посмотрев, как я постоянно протираю после окончания работы инструмент, привожу в порядок рабочее место, народ постепенно начал искоренять беспорядок у себя. И всё бы ничего, но навесили мне в нагрузку, так сказать, мотоциклетное отделение при штабе. Вот где я намучился, похоже, близость к командованию вскружила бойцам голову. Транспорт же всегда в разъездах, на ремонт (хотя какой там ремонт, осмотреть нормально еле успевал!) давалось не более двух суток. Причём эти раздолбай, почувствовав, что за ними «подтирают», начали с прохладцей относиться к обслуживанию техники. Жаловаться я не стал, не поймут, а вдобавок ославят доносчиком. Помыкавшись с неделю, плюнул и просто подождал, когда самый наглый «наездник» сдаст в ремонт своего «стального коня». М-да, вот такого я, честно, не ожидал, этот типус подъехал к боксу и, не заходя ко мне, просто оставил мотоцикл. Всё! Такое спускать было нельзя.

– Ну, курсант, как, закончил? – покровительственно спросил он, заявившись через час. – Завтра забираю аппарат.

– Закончил? Нет ещё. К послезавтрему будет, думаю. – Почесав нос запястьем, чтобы не испачкаться, я недоумённо посмотрел на него. – А к чему такая срочность?

– Ты что творишь?! Ты... – От возмущения он потерял дар речи.

– Что я? – жёстко осадил я нахала. – Убил технику и ещё орёшь? Ты где был эти дни, а?

Попытавшийся качать права боец сдуся. Все за прошедший месяц привыкли, что Мельников не требует обязательной помощи при ремонте. И постепенно бойцы просто закатывали мотоциклы в бокс и уходили. А он и это не сделал.

– Теперь жди.

– А ты сам что, попросить не мог? – боец резко сдал назад, выносить сор из избы ему очень не хотелось.

– Что попросить? – добивал я его. – Вы обязаны сами обслуживать технику. Только в редких случаях, при серьёзной поломке обращаться в рембат, – ткнул я его, словно кутёнка, который напрудонил на полу в доме. – Короче, вот список деталей, дуй с ним к Архипычу, а потом ко мне.

– Ты ремонтник, вот и иди, – окрылся тот, отходя от испуга. – И чтобы к завтраму было всё готово. – Куда сопляк денется, сделает сам всё, что нужно.

– Ну-ну, давай схожу, я не гордый, – произнёс я в спину уходящему бойцу.

Самое интересное, что он так и не понял, что этого мне и надо было. Идиот, мне с Петром однажды довелось видеть, как Макарыч «воспитывал» токаря, который решил не убирать станок. Угу, на всю жизнь что тот неряха урок получил, что мы. Похоже, этот аникавоин из того же теста, решил, что всё нормально.

– Лёш, давай вразумим. – Мой тёзка недобро посмотрел вслед нахалу. – Чего они, забыли, кем до армии были?

– Да нет, спасибо, просто есть такая категория... – Выдержав паузу, я продолжил: – Ёж – птица гордая: пока не пнёшь, не полетит.

– Хх... – Дальше хрюканье переросло в хохот. – Пока не пнёшь, значит... Вуф, Лёх, ну ты остряк. Ладно, но ежели что, всегда обращайся.

– Спасибо. А эти... ню-ню, как у гимназистки, – когда я ввернул пару матюков, мне полегчало. – Всё, значит, само рассосётся.

Не торопясь, я вымыл руки, привёл в относительный порядок свой внешний вид, подобрал брошенные листки и направился на склад.

– Товарищ помкомвзвода, разрешите обратиться? Архипыч, в этот момент раскуривавший трубку, закашлял от неожиданности.

– Обращайтесь, товарищ курсант, – с трудом преодолевая кашель, разрешил он.

– Для ремонта мотоцикла номер 4578 требуются запчасти следующего вида... – непередаваемо казённым голосом начал я.

– Так, хватит комедию тут устраивать. Простым языком скажи, что случилось?

Старику, помнившему ещё Артур, всё стало понятно. Он отлично видел, как мотоциклисты свалили всё на мальчика, а тот, молча, тащит весь воз. Похоже, сегодня терпение у парня закончилось.

– Можно. Ставлю на место хамов из мотоциклетного отделения. – Уже спокойно ответил я, перейдя на нормальный тон.

– Помочь? – Архипыч вопросительно посмотрел на меня.

– Спасибо. Сам справлюсь, – пожав плечами, отклонил я предложение помкомвзвода.

– Уверен? – уточнил он.

– Абсолютно.

Подтекст мне был понятен, всё-таки я «бывший». И доверия моим словам, увы, меньше, чем правильным орлам с образцовой биографией.

– Требования с собой? – Усмехнувшись, он открыл бюро.

– Вот, – протянул я оформленную по всем правилам ведомость, мысленно гнусно усмехаясь.

Бюрократия ведь расшифровывается как власть бюро, в просторечии «без бумажки ты... а с бумажкой человек». Так что свинью я подложил капитальную этим «ухарям бедовым».

Следочек-то останется – при желании документики поднять завсегда можно, и Карлыч этим долго осаживать особо ретивых сможет. И с другой стороны – я не провокатор. Вот так вот!

– Подходи через час... – предвкушающе протянул Архипыч.

Нет, правильно он тогда со старым другом разговор завёл, эва как обернулось-то! Теперь попляшут у него эти зазнайки.

На обратном пути я, естественно, попался на глаза Рейно. Случайно, конечно, ага! Тот поинтересовался, что я делаю. Доложил, причём казённым языком, что ходил отдавать заявку на запчасти. Судя по катанувшимся у него желвакам, отношения конкретно с этими товарищами оставляют желать лучшего. Спустя час он увидел, что я иду за запчастями (специально момент подгадал!), поинтересовался, где помощники. В ответ я пожал плечами, предположив, что, наверное, уже ждут меня на складе. Увидев в третий раз, что я опять в одиночку тащу кучу железок (главное, как их увязать, хех), начтёх озверел. Командир отделения получил громадный фитиль (а заодно и хороший втык от своего командира, отлучённого по его милости от грузовика рембата), а гордый «стальной кавалерист» плотно познакомился с кухонными принадлежностями. Тут я, безусловно, рисковал, ведь кроме этих пентюхов вполне мог пострадать и кое-кто из штабных командиров. Но, по-видимому, там свои игры были, по крайней мере, со стороны тишь да гладь осталась и после скандала. На этом, правда, история не закончилась. Горя гневом и возмущением, он (работник ножа и поварёшки) прихватил двух приятелей для вразумления наглого «чумазого» (понять его можно, я – без году неделя, а он – с годом службы, обидно ведь) и недопущения впредь подобного. Беседа произошла романтическим тихим вечером за боксами. Сначала оскорблённый мной мотоциклист начал выказывать своё неудовольствие, причём матом. А затем попытался что-то изобразить руками. Мда, до «гопоты», которая у нас жила, ему далековато. Я левой ногой заехал ему в голень (хотя хотел вначале в пах, но за такое по головке не погладят) и добавил кулаком по затылку. Бросившемуся на меня здоровяку помешал упавший предводитель. Споткнувшись, он попытался удержать равновесие, отчаянно махая руками. Такой подарок судьбы я не упустил и пробил ему правой ногой в «солнышко». Последний мститель застыл в ступоре. И тут все услышали покашливание Архипыча. За ним со скучающим видом стояли двое парней из рембата. Ага, они на пару амошку переворачивали, ну и подковы спокойно разгибали.

– Сынок, забирай своих дружков и... В общем, иди. Понял? – Увидев кивок «наездника», старшина продолжил: – Вот и славно. И ты, Лёш, тоже иди к себе. А я тут по-стариковски приберусь.

Последствий ни для кого не было. Но меня на следующий день направили в автороту.

– У тебя права ведь есть, – пояснил Архипыч столь интересный поворот в моей жизни, – там водитель приболел, надо же помочь?

В автороте я благополучно трудился целый месяц, отсидевшись вдали от глаз начальства...

Стрельбы. Это волшебное слово. Оно словно алкоголь пьянит тебя. Ласковая теплота ложа, тусклое свечение ствола, маслянистый блеск патронов.

– По машинам! – разносится долгожданная команда. А потом мы едем на полигон, где сапёрная рота оборудовала стрельбище. Ожидание. И мандраж.

– Хватов, Мельников, на исходные.

Получаю обойму и ложусь на расстеленный брезент.

– Заряжай!

Патроны легко скользят под большим пальцем, занимая свои места.

– Курсант Мельников к стрельбе готов!

– Курсант Хватов к стрельбе готов!

– Огонь по готовности.

Выставляю прицел на нужную дальность и начинаю стрелять. Тут главное – не промахнуться. По большому счёту-то нас с Петькой не ждут призовые стрельбы. Поэтому вдох-выдох, задержка дыхания, выстрел. И так пять раз. Петька отстрелялся быстрее.

– Курсант Мельников стрельбу закончил.

– Посмотрим, как отстрелялись.

Руководитель – ротный из стрелкового батальона – ждёт, когда принесут мишени.

– Курсант Хватов. Хорошо. Смазал четвёртый выстрел, торопись.

– Курсант Мельников. Ого, отлично. Раньше стрелял?

– Да. Отец охотой увлекается.

– Хорошо учил...

– Привет разведке. Помощь нужна? – чуть иронично окинул я взглядом фигуру Петра.

Тот, чуть шевеля губами, явно поминал по матери криворуких раздолбаев, запоровших очередной мотоцикл.

– Лёха, тебе делать нечего?

– Кто тебе это сказал? В автороте меня ждёт чудесный грузовик. Убит вусмерть. Я даже не знаю, как у славного в кавычках, хм, водилы это получилось. Но проходящий мимо скорбной фигуры Петра Хватова комвзвода Рябинин узрел это. Его каменное сердце дрогнуло. И вот я здесь. – Закончив свой монолог, я изобразил статую Наполеона.

– Тогда посмотри сцепление, – весело оскалился Пётр.

– Вот она, благодарность... – Но моя патетическая речь была прервана грубой прозой жизни.

– Ладно. Тогда твои тормоза и цепь, – мгновенно сделал он перестановку.

– Э, нет, – отклонил я его предложение. – Сцепление, значит, сцепление.

– Ну, что? Ты скоро?

– Не нукай, не запряг.

– ...Но послушайте, товарищ комиссар, товарищ Подопригора...

Увидев вышедшую из-за угла колоритную парочку, направляющуюся к нам, я непроизвольно вздрогнул. Вот они, неприятности в чистом виде. Вокруг громадного комиссара разведроты блохой скакала девица нашего возраста. М-да, красочный типаж: на её груди (хм, довольно большой) красовался значок СВБ¹, красная косынка оттеняла тёмные волосы и... всё. В смысле, косы у неё не было, а у нас в городке и окрестных деревнях девчонки, если и обрезали волосы, то всё равно под косынку набивали тряпки (для матери). У неё даже этого не было. Переглянувшись, мы одновременно покачали головой, дело, конечно, не наше, но всё же, всё же...

– Послушай, Маша, ты понимаешь, о чём просишь? Вон ОСОАВИАХИМ рядом, там и ставь рекорды, – отбивался от «блохи» наш доблестный разведчик.

– Вы слышали призыв КИМа? – пустила та последний козырь. – «Комсомолец, быстрее овладевай новой техникой!»

– Вот именно. Новой! – уцепился, словно утопающий за бревно, комиссар.

– Так именно здесь сосредоточена вся новая техника, – безжалостно добила она нашего хохла.

– Вот наши курсанты, у них спрашивай, смогут они помочь вам с ремонтом или нет, – радостно сообщил он, увидев, на кого можно переложить общение с этим «перпетуум-мобиле».

– Товарищи, вы комсомольцы? – подлетела она к нам. И, не давая нам что-либо сказать, затараторила дальше: – Я секретарь комсомольской организации поселковой школы Мария Сёмина.

¹ Союз воинствующих безбожников. (Здесь и далее примеч авт., если не указано иначе.)

– Я – да, – произнёс Пётр.

– Я – нет.

И девушка сразу потеряла ко мне интерес.

– Товарищ курсант, вы должны нам помочь... – мгновенно переключилась она на Петра.

Да, натиска этого секретаря тот не выдержал. И согласился. А куда ему деваться? Только мне не слишком понравилась заинтересованность во взгляде Подопригоры, узнавшего такую «сногшибательную» новость.

Пётр буквально через час получил на руки приказ о назначении его инструктором и выделении одного мотоцикла для обучения. И постепенно он всё больше и больше времени проводил с новыми знакомыми. Те, узнав, что ему ещё нет восемнадцати, но благодаря знаниям стал курсантом, пытались ему подражать. А главное, с большим энтузиазмом учились водить и изучали устройство «союза». Хотя, на мой взгляд (был я пару раз с Петькой, когда его уже достали и он едва не послал всех по матери), они его просто ломали. И приходилось часто помогать другу привести мотоцикл в рабочее состояние.

3

С Петром отношения после всего произошедшего не то чтобы испортились, не могу подобрать слова... Короче, дружба наша трещину дала. Маленькую, но... Вдобавок случайно услышал, как Машка «обрабатывала» Петра. Услышав голоса, я сначала решил тихо уйти.

– ...Пойми, Пётр, я согласна, что Мельников хороший механик. Но ты уверен, что он принял революцию? – наседала она на него.

– Конечно, мы вместе на заводе работали. И Сергей Саныч, отец Лёшки, там же работал. – Удивленно, как о само собой разумеющемся отвечал тот.

– А кем? Простым рабочим? – довольно ехидно уточнила она.

– Нет, он же инженер. – В голосе Петра сквозило полное непонимание ситуации. Похоже, до него словно не доходило, что пыталась втолковать ему сия девица.

– Вот видишь, если бы не революция, то он вряд ли стал бы простым слесарем... – новая порция лёгкого сарказма.

Дальше я слушать не стал, бешенство, клокотавшее во мне после этих слов, требовало выхода. Не знаю, икалось ли ей в этот момент, надеюсь, да. Эта... трепала своим поганым языком, не зная, что отец вместе с Потапычем с нуля создали завод. Ездили, искали оборудование, материалы и, главное, людей. За четыре года они вдвоём сделали из кустарной мастерской отлично отлаженное производство. И это в стране только завершившей гражданскую войну с интервенцией! Плюс тяжелейшая империалистическая, плюс потеря современных производств в отколовшихся осколках бывшей империи, да жуть, короче! И людей, которые смогли своими силами сотворить из ничего завод, поливают помоями! И наверняка на бюро мелет, что в голову взбрёт! Тварь! Лицо горело, очень хотелось вправить этой пигалице мозги. И Петька хорош. Нюни распустил. Подумаешь, какая цаца, секретарь, твою... Пуп земли. Ладушки, вот и чинитесь сами, дундуки криворукие. Вон, есть у вас наставник. А с меня взятки гладки. Немного успокоившись, я пошёл обратно.

– Курсант Мельников, тебе делать нечего? – раздался позади рык Архипыча. – За мной шагом марш.

Я с шиком продемонстрировал старику поворот «в движении». Этим заработал одобрительный взгляд бывалого строевика.

– Молодец. Ничего, армия не из таких обалдуев людей делает.

Подойдя к складу, я увидел грузовик и стоящую рядом понурившуюся группу нарушителей дисциплины. Угу, похоже, начинается вечная драма: погрузка-разгрузка.

– Ты куда? – остановил он меня, видя, что я собираюсь присоединиться к бедолагам. – У тебя другая работа. Вот в эти тетради записываешь, что к нам поступило. Ясно?

– Да. – Немного удивившись, я взял карандаш и открыл тетрадь.

– Тогда вот тебе подчинённые, – кивнул он на бойцов. – Можешь приступать.

– Накладные? – обратился я к экспедитору...

Три часа мы как проклятые перетаскивали, сверяясь с документами, запчасти для машин. Агафон Архипович оказался большим педантом, и для каждой марки у него был свой стеллаж.

– ...Тэк-с, рычаги для БА-27, пять комплектов. Стеллаж номер три, ячейка пять. Дальше... Дай проверю, ага, и бирка. Это в ячейку семь... Поздравляю, с броневидами закончили, пять минут перекур и продолжаем...

К концу работы у меня уже болела рука от писанины.

– Всё, шабаш. – Измученные «носильщики» со стонами сели на лавочку.

– Закончили? – Архипыч появился внезапно, как тень отца Гамлета. – Пойдём, Мельников, проверю, как вы поработали.

Ещё полчаса въедливый старикан лазил по всем ячейкам. Но ошибок не нашёл.

– Молодцы. Всегда бы так, – произнёс он перед строем. – Налево. В столовую шагом марш.

И мы рубанули строевым, иначе можно заработать дополнительные занятия у Петелина, а тому дай волю, заставит целый день маршировать. В столовой, несмотря на опоздание на час, накормили горячим, и даже дали добавки. Жизнь сразу заиграла яркими красками. Полный желудок навевал дремоту. Но расслабиться не дали и сразу погнали на самоподготовку. Бойцов – в классы повышать образование, а меня засадили за наставление по эксплуатации броневедомобиля БА-27.

– Петь, – улучив момент, кивнул я в сторону курилки. Там на данный момент было пусто. И можно было поговорить без лишних ушей. – Тут дело такое, ты, конечно, извини, но больше я к этим водятлам не ходок.

– Совсем плохо? – глухим голосом поинтересовался Хватов.

– Да. Знаешь, устал. Просто устал.

И я не лукавил, всё мое «актёрство» дало трещину и посыпалось мелкими обломками. Не выдержал, одним словом, плюнул и решил: будь что будет. Не этим вчерашним крестьянам и «фабзайчатам» меня учить. Всё, баста: подделываться под них я больше не буду. А наоборот, буду с высоты прожитых лет и опыта тыкать их мордой в навоз. Дабы не зазнавались.

– Когда на тебя смотрят, как на человека второго сорта, всякое желание улучшить мир пропадает напрочь.

– Ещё забыть не можешь их пыл? – Издевательская усмешка Петра могла обмануть человека непосвящённого. Но столь характерное проявление эмоций было направлено на членов местного ОСОАВИАХИМа во главе с Сёминой. – Ясно, что ж, давай...

– И ещё... – Как бы поделкатнее посоветовать другу не лезть в политику? В голову, увы, ничего путное не лезло, и, махнув рукой (мысленно, хех) рубанул, что знал: – Петь, ты, главное, не лезь в разные партии, фракции и уклоны. Сейчас много горлопанов начнут орать, что это не так и то не этак. Плюнь на них, валенком тупым прикинься, но не вздумай встревать в эти игрища.

– Даже так... – Судя по катанувшимся желвакам, я задел друга. – Спасибо. – И, видя искреннее его удивление и недоумение, пояснил с циничной ухмылкой: – Побывал тут у нас один живчик, всё за пролетариев ратовал, а заодно и пытался снизить расценки «рабочей аристократии». – Последнее он выплюнул.

– Хм, а ты?

– А я промолчал и сделал вид, что не понял. Об отце они не знают.

– Валить тебе оттуда надо.

– Ладно, разберёмся...

* * *

– Что скажете, товарищи? – начтех смотрел на сидящих перед ним подчинённых. – Кто начнёт?

Вопрос, несмотря на свою простоту, был наисерьёзнейшим. В последних числах июля РВС выпустил приказ о формировании второй механизированной бригады и трёх механизированных полков. Часть личного состава и техники должна была дать теперь уже первая мехбригада. То есть они. И если для одних это был шанс подняться наверх, то другие оказались в положении буриданова осла. Кого отдать, кого оставить, что отдать, а что оставить?

– Давайте я. – Комвзвода Иванов, вызванный начальником на это совещание, был раздражён. Из автороты пригнали АМО с заклиненным двигателем и требовали его скорейшего восстановления. Поэтому он решил как можно скорее спихнуть с себя доклад о курсантах. – Согласно приказу 0116 от 29 апреля 1929 года, в списки ремонтного батальона внесены...

– Извини, Юрий Михайлович, что перебиваю, а покороче можно? – прервал поток канцелярщины Рейно.

– Можно, оба курсанта соответствуют уровню инструктора по эксплуатации мотоциклов. Насчёт бронемашин... – Комвзвода на мгновение задумался. – В принципе, они ещё изучают наставления по эксплуатации, но фактически уже готовые водители. Если честно, то продолжение курса – просто формальность. Хоть завтра им можно давать удостоверение водителей. У меня всё.

– Спасибо. Можешь быть свободен. – Отпустив Иванова, начтех с интересом посмотрел на своего «добытчика». – А ты меня чем порадуешь?

– Порадовать? Рад бы, да нечем.

– Что случилось? – плохо скрывавший раздражение Архипыч здорово его напугал.

– Случилось? Что же, Ян Карлович, докладываю по порядку. Завод номер 231 передаёт изготовление ЗИПов для мотоциклов «Союз» на другое предприятие. Второе: завод номер 231 в данный момент расширяется для увеличения выпуска продукции. Порадовал я тебя?

– Очень, – буркнул Рейно.

– Слушай дальше, Ян Карлович. Начальника производства на заводе меняют, – добил его Архипыч.

Начтех закрыл глаза. Несмотря на культивируемую им прибалтийскую невозмутимость, сейчас он очень хотел материться. Нет, скорее, изрыгнуть самую отборную матерщину на голову идиотов, угробивших такой завод. Начав трудиться ещё на «Руссо-Балте» учеником, Рейно отлично понял сказанное Пузырёвым. Вместо нормальных запчастей и инструментов будет приходиться (ещё и неизвестно когда) открывенный металлолом. Мосты, которые он наводил (с помощью Архипыча) по изготовлению инструмента для амошек, можно считать, похерены. Опытная партия так и останется единственной. На новом заводе её изготавливать не будут.

– И что там творится, Архипыч?

– Не спрашивай. Понагнал «фабзайчат», чуть ли не по четыре на нос.

За столом повисла гнетущая тишина.

– А насчёт старшего Мельникова что говорят?

– Я тут переговорил кое с кем, – тихо прошептал Пузырёв. – Похоже, его райком сожрал. Он ведь упёртый тоже. Если суются неумёхи, запросто послать может. Так они базу начали под него подводить, слышал краем уха, его в техникум сватают.

– Ты как, подготовился? – пылливо посмотрел на своего главного «добытчика» Рейно.

– А то. Распишал все запасы по дальним кладовым. Судя по честному лицу, «главкладовой» вдобавок кое-что списал. И, зная его натуру, в закромах у запасливого кладовщика есть чем поживиться.

– Спасибо. Буду знать, – кивнул он.

– Разрешите обратиться, товарищ начальник технической части?

Рейно удивлённо посмотрел на Пузырёва:

– Обращайтесь. – Начтех с интересом ждал продолжения. За столько лет он успел изучить старшину, и всегда после такого начинался серьёзный и довольно неприятный разговор.

– Что с парнем будет? – не стал ходить вокруг да около тот.

– Ух, Архипыч, ты так больше не шути. Что, понравился он тебе?

– Будет толк. Вот только в командиры ему выбиться не дано. Максимум получит «пилу».

И то к отставке.

– А второй?

– Не пропадёт. За него политотдел слово замолвит, – отмахнулся Пузырёв. – А то завтра у них торжественное обещание, и после этого мы особо повлиять... – тут он многозначительно замолчал.

– Слушай внимательно. Мы пока людей и технику согласно приказу не передаём.

Архипыч кивнул, соглашаясь с командиром, но вопросы пока задавать не стал.

– Мне поступило указание подготовить и отправить в распоряжение 2-го мехполка ремонтный взвод. Соображаешь? – тихо произнёс Рейно.

– КВЖД?

Хотя и так было понятно: буквально вчера рассказывали на политинформации об очередном бое.

– Скорее всего. Сам знаешь, что там творится.

Ещё бы не знать, большинство разговоров были об этой проклятой дороге. Удружил царь-батюшка построить её в Китае, да ещё за такие деньжищи. Слово «война» оба так и не произнесли. Но все газеты писали о непрекращающихся боях на границе. Там мировые державы, используя китайцев в роли пушечного мяса, пробовали на прочность рубежи СССР.

– Хочешь его туда отправить? – не удержался Архипыч.

– Да, учить вождению может и абсолютно любая девица из ОСОАВИАХИМа. Это как сталь закаливают. Выдержит – будет с него толк, ну а нет... – развёл руки, как бы говоря, всё от него зависит.

– Понял, тогда я сегодня на него документы подам. Как непосредственный начальник.

И второго не забуду.

– Давай, жду.

Ян, оставшись один, долго думал над своим решением. Отправить пацана на войну, ведь он присягу только принял. Пуля, как известно, дура. И за гибель мальчишки с него спросят, невзирая на былые заслуги. Но и оставить его здесь значит испортить парню жизнь. Нет, говоря старорежимным языком армии, нужны кадровые унтер-офицеры и фельдфебели. Они – стальной хребет. Но ей нужны и грамотные офицеры. А вот тут и начиналось самое интересное. К командирским должностям Мельникова не подпустят и на пушечный выстрел. Биография подкачала. Если бы его отец не служил в РККА, то о военной стезе парню можно было и не мечтать. А если... Так документы Пузырёв принёс. Да, пусть будет экзамен без подготовки. Сдаст на отлично – поедет. Нет – значит, нет.

Я о решении Рейно узнал, когда меня выдернули из-под грузовика. Приказали привести себя в порядок и идти к начтеху. Умывшись и переодевшись, направился к нему в кабинет. Там столкнулся с Петром, который сидел в приёмной.

– Что, соколы, готовы? – ухмыльнулся Иванов.

– К чему? – осторожно поинтересовался Петька.

- К экзаменам, – ехидно улыбнулся взводный.
- Готовы, – бодро ответил я, хотя внутри разлился противный холодок.
- Вот и отлично. Заходим, садимся за стол и отвечаем на вопросы комиссии.
- От улыбки Иванова нам обоим поплохело.

Этот зачёт я до конца дней не забуду. Гоняли меня такие зубры, что удивительно, как я вообще домой не поехал. Сначала я думал, что будут спрашивать устройство мотоцикла, немного по эксплуатации... Ага, щаз, разбежался. Запуск двигателя в мороз в степи, езда по грязи и ещё куча других вводных. А как вы чиниться будете, если у вас нет ничего? Ну, почти ничего. Грузовик застрял. Сцепление водитель сжёг – ваши действия? И вот такие вопросы весь экзамен. К концу я выжат был как лимон. Но наградой мне были удостоверение механика-водителя БА-27.

– Ты что, сдурел, Ян Карлович, – резко затушил папиросу начальник особого отдела. – Ты своей головой думаешь или нет?

– А кого мне посылать? У меня что, выбор не в... хм, богатый? Сказано – лучших, – как щитом прикрывлся приказом начтех.

– Ладно, оставим в стороне происхождение. Но парню восемнадцать, – взял себя в руки особист.

– И пусть, зато есть опыт и знания. Не у каждого кадрового бойца такие навыки есть, – парировал его довод Рейно.

– Есть, понимаешь, навыки... – пробурчал Розенфельд. – А если хлопнут его там?

– Яков Моисеич, тебе, часом, не предложили какую-нибудь выгодную «негоцию»? – Рейно с подозрением смотрел на особиста. – Не отдам.

– Во, видел? – Фигура из трёх пальцев сложилась молниеносно.

И хоть Ян здесь ошибся, но поиграть на нервах...

– Ещё нет, – удивлённо посмотрел начтех на кукиш Розенфельда.

– Ничего, привыкай, – усмехнулся тот.

– С чего это ты так завёлся? – елейно спросил Рейно.

Нет, он тоже понимал всю фантастичность перевода Мельникова в другую часть. Но вспомнив таланты особиста, задумался, а чем чёрт не шутит, когда бог спит.

– Того, – довольно мерзко ухмыльнулся старый еврей.

– Яков Моисеич, ты меня знаешь. В ноги к комбригу рухну, но парня не отдам, – прошипел Рейно, окончательно уверившись в «краже».

– Таки не отдашь? Куда ты денешься... – Вот только голос Якова теперь наполнился металлом.

– Подготовит он смену... – с надеждой смотря на особиста, начал было Рейно.

– Карлыч, – произнёс он устало, смотря на латыша, который дёрнулся: очень уж редко старый еврей вот так, по-домашнему разговаривал, – ты меня знаешь, палки вам в колёса я не сую и закрыл глаза на ваше гусарство. Но теперь послушай меня. Я осторожно поинтересовался, почему столь перспективный мальчик таки до сих пор не кимовец.

Рейно, услышав, как Моисеич сбился на одесскую мову, напрягся. Обычно после этих пассажей следовала какая-то неприятная весть.

– Таки вот, на собрании его прокатали со страшной силой, причём сила оказалась местным райкомом. Ты улавливаешь мою мысль, Карлыч? Вижу, да. Нет, если ты таки хочешь тянуть этот воз, я буду рад за твоё воспитание.

– Угу, надорвусь только, – горько усмехнулся начтех. Ух ты ж... и в... мать! – Неужели так и ничего нельзя сделать?

– А никак. Ты наверняка знаешь, что мы должны поделиться людьми? – Прищур особиста очень встревожил Рейно.

– Э-э, полегче на поворотах, и так не знаешь, как от разных охочих на чужое отбиться.

– Вот и я о том же, – согласился Розенфельд. – Теперь слушай сюда: ты, конечно, можешь орать, словно на Привозе, но послушай мою мысль. Отдаём обоих парней во второй мехполк. – Увидев обречённость в глазах начтеха, Яков поспешил ободрить того: – Но! Не просто так, а переводом в танковый батальон. Смекаешь?

– А то, – на глазах оживился Рейно. – Мельникова явно во взвод восстановления заберут, а вот Хватова могут и в линейный взять.

– Правильно, и самое главное, второй мехполк перебрасывают на Дальний Восток. Как и сводный восстановительный взвод от нашей бригады.

– Вот скажи мне, Ян Карлович, а как ты будешь взвод обратно возвращать?

Этот вопрос был для Рейно неожиданным, хотя и самым болезненным. Естественно, «золотой» фонд постараются любыми путями переманить к себе. А то и просто «присвоят».

– Вот, вижу понимание с твоей стороны, а то делёжку затеял, – улыбнулся особист.

– А ты на что? Это тебе, Яков Моисеич, по должности положено не дать нас «обокрасть», – сразу почувствовал реальную угрозу своим кадрам Ян.

– Ну, спасибо. – И, видя состояние своего гостя, успокоил его как мог: – Ты, Ян Карлович, не переживай, я и со своей стороны ему характеристику напишу. Об отце его – отдельно добавляя, что тот решительно порвал с прошлым. Ну, в общем, есть что написать, – закруглил он разговор. – Но придётся всё же парней отдать.

– Погорячился, бывает. – Жаль, конечно, ребят, но взвод дороже. Придётся отдавать. – А как ты сам сможешь его забрать? Всё-таки неизвестно, где искать их.

– Ничего, найдём.

– Грабитель.

– Ты ещё не знаешь какой...

Слухи по бригаде поползли мгновенно. И вечно затюканный рембат неожиданно явился местом паломничества «невезучих» подразделений. Три дня шла подготовка сводного взвода. Всё лучшее безжалостно изымалось, несмотря на вопли «ограбляемых». Главным «поставщиком» техники была авторота. У неё забрали три грузовика. За бензозаправщик сражались насмерть, но волею начштаба сей агрегат остался за взводом. В этой поистине эпической битве довелось поучаствовать и мне. Два новеньких (лично обкатывал и вылизывал) «союза» безжалостно вырвал из штаба. Мотоциклетное отделение объявило меня своим личным врагом. А отдельный поклялся на своём «стальном коне» (скорее, мерине, следить за техникой надо) страшно отомстить. Но мне было плевать, поскольку я в данный момент числился во втором механизированном полку. И, между прочим, грабил не просто так, а с полного одобрения Рейно (неофициального, конечно) и Архипыча. Потому и утёрлись эти сраные «кавалеристы». Дальнейшее хапанье пресёк сам начтех. После всех утрясок и усухек матчасть взвода состояла из бензовоза, автомастерской, трёх грузовиков с различным имуществом и двух мотоциклов «Союз». Что касается личного состава, то ажиотаж поднимать не стали. Вечером огласили списки и приказали перейти в освобождённую для этого казарму. К своему удивлению, я также оказался в их числе, хотя... чему удивляться, присягу мы с Петром приняли буквально пару дней назад. Нам выдали новое обмундирование (старое оставили в качестве рабочего), оружие. Бойцы разбирали новенькие карабины. Подошедший помкомвзвода Медведев сообщил, что я теперь делегат связи. Мне и моему напарнику Васе Самойлову (вот он попал аж в штабной взвод нашего славного полка), достались автоматы Фёдорова. Кстати, он единственный, кто служил в, скажем так, боевых частях, остальные во взводе были сплошь технари. До перевода к нам ему пришлось тянуть лямку в разведроту. Сергеев, как он сам сказал, не пожалел для такого дела своих закровов, и вдобавок мы получили по кольту. Ну-ну, а то я не знаю, что патронов к обоим «игрушкам» очень мало, а вот на балансе они висят. Так что ротный изящно отделался от своей головной боли, уважаю.

– Не понимаю, зачем тебя взяли, – ворчал Сергеев, хотя в глубине души понимал, что только технически грамотные бойцы смогут воевать со столь сложным оружием. – Запоминай. Разборка автомата Фёдорова начинается с отсоединения магазина. Вот так. После передёргиваем затвор, проверяя наличие патрона в патроннике, далее достаём шомпол...

Три дня мы провели на стрельбище и полигоне, где нас тренировали бойцы разведроты. Хотя мы не должны были участвовать в боях, но командование решило, кашу маслом не испортишь. И гоняло нас в хвост и гриву.

4

Эшелон был литерный, и на станциях мы не задерживались: ноги размяли, кипяток взяли – всё, вперёд! Только паровозы меняли, словно коней, удивительно, но факт, видать, припекло где-то. Летели как угорелые. Две теплушки и четыре платформы с техникой спешили в Читу.

– Эй, молодой, – вывел меня из лёгкой дремы голос Сёмки Перфильева.

Кстати, на молодого я не обижаюсь, но вот подначки уже начинают раздражать. Только человека из него сделали, гегемон хренов. Как же, технический специалист!

– А чагой-то тебе автомат дали? И пистоль?

– А это для того, чтобы ты спрашивал, – перефразировал я Шарля Перро. – И вообще, – не дав ему встрять, продолжил уже в открытую хохмить над ним, – мне и карабина хватило бы с наганом, естес-сно.

Вот от последнего Сёмка помрачнел. Да и народ понимающе начал усмехаться. Ему револьвер, как и пистолет, не положен, а мне, как водителю броневика, да.

– Но ничего, я тебя научу. Берёшь перо и бумагу... Невольные зрители уже кое-где старались скрыть смешки.

– ...И пишешь рапорт на имя помкомвзвода товарища Медведева. – Игнорируя открытый хохот, я продолжил: – В нём указываешь, что тебе необходимо вооружиться автоматом Фёдорова и пистолетом Кольта.

– И после получить кучу нарядов, – заржал Сёмка. Парень он компанейский и дуться долго просто не способен. – Нет уж, я как-нибудь с карабином побегаю...

Чем дальше на восток, тем больше было подробностей о схватках с китайцами. На станциях узнавали новости о боях, в которых мы несли потери. Количество убитых и раненых разнилось у каждого рассказчика, но всё это не способствовало высокому духу. Кроме этого, шёпотом рассказывали о зверствах, творимых над попавшими в плен красноармейцами. Чего скрывать, не по себе мне стало, уж больно много их было, судя по рассказам. Поездка уже не казалась мне лёгкой прогулкой, где я должен быть во втором эшелоне. А вот и неправда ваша! Придётся и вам, молодой, хех, человек, шкурой своей рисковать. Похожее настроение царило и у остальных бойцов. Даже Вася перестал ехидничать над «работниками ключа и кувалды».

– Значит так, слушай меня внимательно, – обвёл глазами теплушку помкомвзвода Медведев.

Народ примолк, хотя номинально Медведев был в другой части. Свою фамилию он оправдывал полностью. Здоровый, под два метра, помкомвзвода очень походил на хозяина тайги. И, несмотря на свои сорок лет, был подвижен, как молодой мангуст.

– Гляжу, нюни распустили. Ах, стреляют там. А вы что хотели? И рыбку съесть и... не сесть? Вызывали добровольцев, и почему-то никто не отказался. А сейчас у всех полные штаны? Ему, – указал он на меня, – ещё можно причитать. Пару минут. Сдрейфишь – выкину, – жёстко произнёс он, глядя мне в глаза. – А вы, родненькие, будете пахать и пахать. И пусть кто-нибудь попробует наложить в штаны. И не выполнит приказ. Я ему не позавидую. Всё. Дольше речуг толкать не буду. Вышвырну обратно и заодно слово скажу, что вас даже золотарями не возьмут.

Народ выступать не стал, затих. Да и спорить с бывалым унтером ещё царской выделки никто не решился. Степан Иванович воевал с пятнадцатого в бронестреле на Юго-Западном фронте, участвовал в Луцком прорыве, где горел в подбитом немцами «остине». Имел два Георгия. И авторитет его в рембате был незыблем. Караулы на платформах с техникой были увеличены, личное оружие блистало чистотой, короче, Иваныч устроил такой аврал, что времени на посторонние мысли просто не было. Все эти меры подействовали, и на третий день порядок был восстановлен.

Лёжа на нарах после смены караула и под убаюкивающий перестук колёс, я вспоминал разговор с Петром. Он выловил меня в последний момент уже на плацу перед построением.

– Лёха, ты молоток! – хлопнул он меня по плечу. – Извините, – это к супруге нашего командира, которую он, похоже, оглушил своим криком. – Блин, пошли вон туда, здесь не поговорить.

– Не знаю, для меня это совершенно неожиданно, – развёл я руки.

– Из бригады только взвод едет, – с тоской произнёс Пётр.

Было видно, как он отчаянно завидует мне.

– Петь, ремонтники едут. Пойми, не будем мы в атаку ходить, – пришлось вбивать в его голову прописные истины.

– Плохо, – невпопад посетовал он, похоже, друг слегка повредился головой от переживаний.

– Что «плохо»? Ты что, думаешь, мы между делом должны в атаки ходить? – От удивления у меня едва челюсть не отвисла.

– Нет, Лёх, ты меня недослушал. На собрании... – начал Петька.

– Ты там о чём трепался? – прошипел я, стараясь понять, что этот идиот мог там наболтать.

– А, тьфу ты, совсем рехнулся! Как тебя взяли, не представляю! Теперь хайло закрой и не перебивай дядю Петю. На следующем собрании ты должен был рассказать биографию и почему тебя у нас не приняли в КИМ. Я там тебя рекомендовал, как надёжного товарища. И что мне прикажешь делать? На следующей неделе собрание, а тебя нет. И я стою, как баран. А меня из президиума Машка так ехидно спрашивает: «А где у нас товарищ Мельников?» А мне отвечать категорически нельзя. Ну, не говорить же: «Убыл данный товарищ в командировку на КВЖД, но писать обещал». Представляешь, что будет? – Под конец Петька сам чуть не ржал, представляя в красках эту картину.

– А ты к начтеху зайди. Он мужик с понятием, что-нибудь придумает, – подкинул я ему идею.

– Точно. Если не можешь справиться с неприятностями, переложи их на мастера.

Заводская шутка подняла настроение.

– Твоему отцу с оказией передам письмо.

– Петь, тут такое дело... – Я не знал, как покультурнее сказать, что слышал разговор о себе.

– Лёх, слушай внимательно, – понизил он голос. – Машка проведала, что ты едешь, и начала вонять.

– Откуда она узнала?

Мне стало не по себе. Такая тварь могла доставить неприятности не только мне, но и командирам. И ничего смешного! Запросто прилетит всем – и кто в кабине, и кто в кузове!

– Подопригра рассказав. Ты же его знаешь...

Это точно, не боящийся ничего комиссар разведчиков терпеть не мог женских истерик. В любой форме.

– Могу представить... – Сплюнув, я мысленно обложил стервозину самыми чёрными словами. Чтобы икалось сильнее.

– Лучше не надо, спокойнее спать будешь, – зло произнёс Пётр. – Крик она пока поднимать побоится, но потихоньку начала капать всем на мозги. Со мной у неё финт не прошёл, и она озлобилась.

– В каком смысле?

– В прямом. Мол, ты из «бывших», ну и понесла ахинею о пролетариате. Я её вежливо и послал...

– Ты что, сдурел? – заволновался я. – Ты что о себе вообразил, бессмертный, что ли? Такое не прощается. Ладно, я...

– Эх, хреново ты обо мне думаешь. Я тебя, Изю и Митьку давно знаю. А эта лахудра классовую теорию начала рассказывать. – Плюнув, он махнул рукой. – Одним словом, Лёх, как там твой батя говорил? Со щитом...

– Или на щите, – продолжил я.

– Я те дам «на щите». Не вздумай подохнуть, понял?

– Понял, понял.

– Вот, другое дело.

– Слыш, Хват... – Уши просто пылали. – В общем... Короче, извини, я думал, что ты...

– Мельник, у тебя с головой нормально? – участливо спросил Петька. – Нет, и ты подумал, что я продал тебя за карьеру там? – едва уловимо кивнул он на здание, где располагался политотдел. – Ясно. Сворачиваем эту тягомотину. Извинения приняты. Что взять с убогого.

* * *

Чита встретила нас мелким противным дождём. Скорее даже дождиком, но водяная пыль быстро пропитала одежду. И так невысокое настроение у всех в данный момент находилось на уровне плintуса.

– Вот попали...

– Да, ни хрена себе.

– А ну тихо! – Рык Медведева заставил всех замолкнуть. – Не сахарные, не растаете. Мотоциклисты, выгружайтесь и потом к командиру.

Спорить с ним в такой момент не стоило. Василий, перекинув ремень автомата на левое плечо, дослал патрон. Я последовал его примеру, только у меня он лежал на правом. Выразив таким образом свою фронду, мы застыли по стойке смирно.

– Готовы? – Командир словно не заметил наших действий. Только кивнул одобрительно, хех.

– Да, – ответили мы.

Похоже, Медведеву это и надо было. Встряхнуть всех, чтобы скинули с себя апатию.

– Тогда пошли. – Наше блеяние, судя по его скривившемуся (словно кислятины попробовал) лицу, вызвало – минимум – раздражение.

Идти пришлось минут десять, пока не добрались до здания «управы», где находилось начальство. Встречные косились на нас, но от комментариев воздерживались. Мол, каждый сходит с ума по-своему. Отец, помнится, любил говорить насчёт бардака. Особенно армейского. И если раньше я воспринимал это отвлечённо, то теперь понял всю глубину этого понятия. Выделенный провожатый ещё не прибыл, поскольку состав опередил график на час с небольшим. В результате нам пришлось обратиться к коменданту, тот связался со штабом дивизии, штаб дивизии... и так далее, затем всё в обратном порядке дошло до нас приказом оставаться на месте.

– Не, а то мы не знаем, можно подумать, обратно уедем. – Степан Муравьёв, прислушавшись к урчанию желудка, желчно продолжил: – Товарищ помкомвзвода, а кормить когда будут?

– В части, а потом тебя ждёт наряд, – плотоядно улыбнулся Медведев.

Больше желающих подискутировать не нашлось.

Наконец появился командир с двумя кубарями в петлицах в сопровождении бойца. Судя по петлицам, из танкистов.

Но больше всего меня поразило БМВ. Красавец с коляской притягивал наши взгляды, и вызывал нешуточную ревность. *ПОЧЕМУ он* здесь? Мы, мехбригада, не имела таких машин, а тут... Обидно. Ларчик открылся просто: трофей. В очередной перестрелке некий китайский чин решил посмотреть, как разгромят пограничников. Те с такой постановкой вопроса не согласились и сами так напододали, что китайцы бежали к себе, аж пыль стояла столбом. Чина и водителя «зелёные фуражки» хлопнули, а мотоцикл утащили к себе. И всё бы ничего, но с бензином была беда, и пришлось лакомый трофей отдать.

– Лёх, не спи, – окликнул меня Самойлов.

– Угу, всё...

Разгрузившись, мы направились в расположение отдельной танковой роты, которая, как я понял, придавалась теперь уже моему 2-му механизированному полку. Прощай, теплушка, опостылевшая за время дороги. Здравствуй, родная казарма. И баня. Отмытый от дорожной грязи, я с удовольствием надел чистую форму. В ней мне только дали пощеголять на плацу, а потом Иванов приказал надеть старую, а новенькую убрать. И строго предупредил, чтобы не вздумали её «потерять». Намёк на базар, который был неподалеку, поняли все. На утреннем построении пограничник с тремя «треугольниками» в петлицах довёл до нас обстановку в городе и окрестностях.

– Товарищи, вы только что прибыли... – Красные от недосыпания глаза обвели строй. – Поэтому слушайте внимательно. Обстановка на границе сложная, к нам постоянно пытаются прорваться банды белогвардейцев. Кроме них, в городе и окрестностях есть банды кулаков и уголовников...

Народ, услышав такое, насутился. Хлебнули всё это в Гражданскую. Но уже успевшие позабыть её хаос, мы внимательно слушали.

– Основная задача белогвардейцев – разведка и диверсии. Их цель – бойцы и командиры Красной армии. Для этого они могут быть переодеты в форму РККА и милиции. Кулацкие элементы менее опасны, поскольку привязаны к месту жительства. В основном они занимаются террором и запугиванием односельчан. Но неосторожных и беспечных бойцов и командиров убивают. Поэтому, первое: категорически запрещается покидать расположение в одиночку, второе: движение организовывать только по основным дорогам и, третье, не подбирать попутчиков независимо от формы и звания.

А после начался аврал. Сначала ротный танкистов Потапчук показал сломанный МС-1 и потребовал его восстановить. Что там восстанавливать, я не понял, даже на мой поверхностный взгляд было ясно, что «пациенту» поможет только капремонт. Иванов в нашем присутствии спорить с ним не стал, а отвёл его в сторону. Судя по жестикуляции, взводный на втором командном объяснял, что этой куче металлолома помочь может только завод-изготовитель. Причём просто отправив в утилизацию. И это первое, а на второе он наверняка пояснит, что он имеет честь служить в 1-й мехбригаде, и... да-да, можно особо сильно не напирать. Не выйдет «взять горлом»!

– Нет, я просто поражаюсь, как можно угробить танк? Причём так добротнo! Специалисты! – шипел Иванов, еле сдерживая себя, когда предметно осматривал этого «мертвеца».

Поняв, что за вышедшую из строя технику отвечать придётся именно ему, ротный сник.

– И это ещё не всё! Две единицы, понимаете, две единицы техники вот-вот дуба дадут! – Выдохнув и посмотрев на танкиста, взводный уже спокойным тоном продолжил просвещать командира этих неумех: – Короче, мы успели вовремя. И на вас не повисли мёртвым грузом ещё две железки.

Узнав это, ротный вновь воспрял духом.

– Эх, – махнул он рукой, – сами знаете, танкисты учатся на полигоне. Истина избита. Но при нашей бедности учёба выходит если не золотой, то уж точно серебряной... – Б... какого... ты, глуши... – сочный мат Потапчука, перекрывал даже движок эмэски, воющий на максимальных оборотах.

Танк, провалившийся в пулемётное гнездо, застрял намертво. И, похоже, без посторонней помощи не выберется.

– Трос давай! Что значит «нет»?! Я тебе дам, не выдержит, живо за ним! Бегом!

– Однажды лебедь раком щуку, – испохабил я творение Крылова.

– Самый умный? – раздался за спиной голос.

– Не дурак. – Повернувшись, я увидел злого сапёра. – Не бойсь, вас его вытаскивать не заставят...

– Да мне похрену. Кто всё чинить будет? – ткнул он в развороченную огневую позицию.

– Хм, понятно, кто, – решил я немного подразнить его. – Возможно, я разговариваю с будущим строителем.

– Слышь, молодой, а ты не наглеешь? – Сапёр был старше лет на пять и терпеть наглость какого-то щегла не собирался.

– Не, в самый раз. – Нет уж, хрен тебе. Ты, родной, может, и спец, но я тоже не на помойке себя нашёл. – О, похоже, меня. – Я заметил, как махнул рукой помкомвзвода Медведев. – Бывай.

– Мельников, пулей к Василичу! – Помкомвзвода кипел, хотя старался сдерживаться. И с тоской вспоминать некоторые методы воспитания, забытые как пережиток прошлого. – Пусть берёт тросы и на «автолавке» едет сюда. Сейчас эти орлы свои порвут.

«Автолавкой» мы называем автомастерскую, на базе амошки. Василич, соответственно, ей командует. А заодно и парой ремонтников плюс водила.

А это ещё что такое? М-да, комедия «Недоросль», часть вторая и явно заключительная. Танкисты завели два троса к стоящему «раком» танку. Эх, твою мать! Двигун угробишь! Опять ротный изъясняется на «втором командном». Так, похоже, замена в составе: Потапчук занимает место мехвода, «заехавшего» в окоп. Иванов матюгами отгоняет любопытных, так и норовящих подойти ближе. Не, ну куда, уф, убрались? Наберут всяких... Поехали, натянулись тросы, и танк начал вылезать из ловушки. Банг! – Лопнув, трос, изогнувшись, со звоном бьёт по броне. Не завидую я экипажу, внутри наверняка оба танкиста в себя приходят. Почти выехав, танк съезжает обратно в окоп. Тягач развернуло на правой гусенице почти на девяносто градусов. Моторы, захлебнувшись на высокой ноте, заглохли. Тишина повисла, как смог. Помкомвзвода лишь махнул рукой. Вот они, неприятности в чистом виде. Если вы думаете: да и х... с ним, с тросом, то глубоко ошибаетесь. На каждый канат, трос должен быть документ. И в нём чётко прописано, сколько он может поднять груза. Его осматривают, испытывают, короче, всё очень серьёзно. И лопнувший трос – это ЧП. Сейчас начнут разбираться, что, где, как и почему. С выводами... И головы запросто полетят. Ну, с этим я, пожалуй, хватил, но раз... отчитать «главтанкиста» я постарался бы. С песком и щёлоком, а то моду взяли: «Мне лучше знать!..» Вон, почти пополам порвал цепь. Хорошо, у нас пострадавших нет, а то и посадить могут. И заслуги не спасут.

Всё, мне здесь больше делать нечего. Поехали. Привычно вешаю автомат на шею, под левую руку: если что, можно и на ходу стрелять. Попасть не попадёшь, но очередь здорово отрезвит нападающих. Да и если будут ставить засаду, то справа. А лопухов среди белогвардейцев нет. Чай, второй десяток лет воюют. Опыта много.

Вечером, смотря на ведомость запчастей, имевшихся у танкистов, Иванов матерился, как последний извозчик. Сказать, что их было мало, ничего не сказать. Не было их. Совсем. Те жалкие прокладки и пара трубок вызывали только злобу. По существу, танковая рота с новенькими, только с завода машинами была не боеспособна. Нет, воевать она могла. Но при любой

серьёзной поломке танк вставал намертво. Попытка разобрать сломанный (уроды, как можно при разгрузке так угробить агрегат?!) была пресечена с самого верху. Товарищ Блюхер запретил и приказал восстановить ценную единицу. А как? Да как хотите, но исправить! Плюнув, Юрий Михайлович придвинул чернильницу и начал писать докладную.

Глава 2

1

Капитан Уэда трясся в стареньком «форде». «Когда наконец мне дадут нормальный автомобиль, а не эту консервную банку?» – глодало его чувство обиды. Хотя согласно Бусидо, воин должен... Однако старшие офицеры не отказывали себе в комфорте и даже роскоши. И ничего, совмещали, как любят говорить русские, одно с другим. Русские... Для себя Уэда не делил их на большевиков и белогвардейцев, чем грешили многие. Занимаясь разведкой, он убедился, что односторонние суждения лишь вредят делу. То, что произошло в России, отнюдь не ново. Многие страны прошли подобный путь. Просто это случилось так давно, что умерли уже правнуки тех, кто воевал в гражданских войнах.

Взгляд остановился на китайских кавалеристах. Он презрительно отвернулся. Этим обезьянам до настоящего всадника, составляющего с конём единое целое, требовались ещё годы тренировок. При царе этих вояк разгромила бы одна дивизия. Уэда мысленно поразился гримасе истории. Сейчас у русских на Дальнем Востоке тоже одна дивизия. Но, хвала Аматарасу, могучая Империя рухнула. И будет справедливо, если уже молодая Империя сыновей Ямато возьмёт себе ничейные земли. Правда, по другую сторону границы ничейной земли не видели. А территорию, которую капитан Уэда считал законной добычей, отдавать не собирались...

Комдив Черепанов устало потёр глаза. За последнее время он спал урывками, не больше трёх-четырёх часов в сутки. Отложив в сторону рапорт начальника политотдела 1-й Тихоокеанской дивизии, он подумал, что, скорее всего, это пик его карьеры. Ведь в глазах многих он нарушил субординацию и поставил себя выше своего начальника. И не важно, что этого требовали интересы дела, негласный вердикт ему вынесен. Плохо, как же всё плохо! Он сильно рисковал, обращаясь через голову Блюхера в РВС. Но, слава богу (кхм), его предложение о создании Особой Дальневосточной армии было рассмотрено в рекордные сроки и утверждено. Командующим, правда, назначили всё того же Блюхера, хотя, перед собой будем честны, Черепанов рассчитывал, что назначат его.

Андрей Иванович раздраженно потёр виски – в голову упрямо лезли крамольные по нынешнему времени мысли. Эх, Василий Константинович, заматерели вы, прям заместником себя видите. А на весь Дальний Восток в тот момент едва дивизия набиралась – 18 520 бойцов и командиров. И это всё. Но ведь дьявол, он в мелочах, да. С моральной стороной дела тоже не всё хорошо. Пехота особо не стремится героизироваться, рядовые бойцы стараются отслужить и вернуться домой. И всё это не официально, а так, как бы между прочим, политотдел старается не акцентировать на этом внимание. Иначе им знатно может по шапке прилететь. Командиры пытаются переломить настроения, но пока, увы, не преуспели в этом. Хорошо, кавалерия и пограничники проявили себя выше всяких похвал, практически на них пока оборона и держится. Да Центр наконец опомнился, и людей подкинули, хотя что такое сорок тысяч? Но уже не полная безнадёга, как весной. А китайцев, по данным разведки, противостоит нашим несметным воинствам около 220 тысяч. Комдив невесело усмехнулся, отлично зная о слабости, да и откровенной недоработке разведки. Около... Нам и этого вполне хватит. А полицейских, которых и не считают, а белогвардейцев приплюсовать? Все 400 тысяч наберётся. Нет, он помнил, что представляют собой китайцы. Не зря был главным советником у них в Вампу. Однако тысяч под двадцать хорошо обученных и дисциплинированных солдат они найдут. И не требуется особых талантов, чтобы понять: станем обороняться – нас затопчут. Завалят «мясом» немногочисленные пулемёты, разменяют даже один к четырём и... И всё, Дальний Восток пал.

Потому необходимо нападать самим, как японцы в четвёртом году, внезапно, не давая возможности подготовиться. Вот только как на это отреагирует Блюхер? Недаром он его к себе поближе забрал. Старается более из виду не выпускать. Он ведь себя считает непревзойдённым специалистом по Китаю. Да уж, плохо, что непосредственное начальство тоже отметилось в советниках. У него уже сложилось мнение, и чёрта с два его получится переубедить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.